

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

НЕОБХОДИМОСТЬ, ЗНАЧЕНІЕ

И СИЛА

ЭСТЕТИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ

Der freyſten Mutter freye Söhne,
Schwingt ſich mit feſtem Angeſicht
Zum Strahlenſitz der höchſten Schöne!
Um andre Kronen buhlet nicht!

Schiller.

Любовь къ изящному есть завѣщанное достояніе человѣческой нашей природы. Ея искра приносится нашимъ духомъ съ погожѣ вѣчнаго алмазя, гдѣ онъ черпаетъ безсмертное бытіе свое: и попому никакая земная сила не можетъ задушить ее въ нашихъ нѣдрахъ. Она плыла шамъ, пока вѣнетъ малѣйшее дыханіе жизни: и гибнетъ только съ че-

Телеск. Ч. III.

9

ловѣчествомъ , или лучше , человѣчество наше гибнетъ съ нею.

Но искра еще не пламя. Она и не будетъ никогда пламенемъ, если не найдетъ для себя питанія. Внезапное дуновеніе мимопекущаго вѣтра можетъ свѣвать съ ней пепелъ и оживлять ее: она вспыхиваетъ тогда , но не надолго. Точно поже самое и съ нами. Зарожденная въ насъ свѣтъ искра любви къ изящному можетъ долго оспаваться и даже оспаться навсегда искрою. Бываютъ конечно минуты , когда она , пробуждаемая таинственнымъ прикосновеніемъ невѣдомаго духа , сама собой возгарается: но сіи минуты слишкомъ крапки и быспропечны. Онѣ даже не могутъ назваться личною нашею , собственностію ; ибо приходятъ и отходятъ безъ нашего вѣдома и произвола. Только питаніе , доставляемое *образованіемъ*, можетъ разрѣшать сію искру въ пламя свѣтозарное и животворное.

Образованіе есть постепенное возведеніе дѣйствительности къ совершенству , чрезъ проясненіе въ ней идеи , составляющей ея основаніе. Оно есть существенное условіе всякой жизни, или лучше, всякая жизнь есть не что иное, какъ непрерывное *самообразованіе* , безпрестанное стремленіе къ совершенству. Природа внѣшняя *образуется*, по необходимому уславу Міродержавнаго Промысла ,

неуклонно и неудержимо : но *образование* внутренней нашей природы должно быть плодомъ собственной нашей самодеятельности, зараждающимся и спѣвающимъ подѣ вліяніемъ нашей свободы, по начертаніямъ нашего разума. Въ томъ и состоитъ высокое достоинство нашего человѣческаго существа, что оно самому себѣ всею обязано. Мы должны сами созидать себя. И ежели общій законъ существованія внешней природы есть вѣчное равенство съ собою, общій законъ развитія внутренней челоѣческой жизни есть вѣчное самоуравненіе.

Идея, служащая основаніемъ для любви къ изящному, есть идея красоты вѣчной и безпредѣльной. Утвержденная въ средоточіи нашего духа, сія идея влечетъ къ себѣ все бытіе наше тайною непреодолимою силою. Безпрестанное приближеніе къ ней составляетъ высокую задачу любви къ изящному: блаженное погруженіе въ ея лонѣ есть вѣнецъ совершенства. Вѣнецъ сей долженъ пріобрѣтаться собственными нашими усиліями : и сіи-то усилія, продолжаемыя съ постоянною ревностію, составляютъ то, что называется *образованиемъ изящнымъ* или *эстетическимъ*.

Такимъ образомъ идеаль *эстетическаго образованія* есть сдруженіе жизни нашей съ красотою. Расположеніе къ нему составляетъ суще-

ственную принадлежность нашей природы: но совершеніе возможно только подъ условіемъ свободнаго употребленія нашей самодѣятельности. Въ какихъ же дѣйствительныхъ событіяхъ является сіе совершеніе и какими средствами споспѣшествуется?

Красота, составляющая начало и конецъ эстетическаго образованія, есть не что иное, какъ высочайшая гармонія жизни. Жизнь складается изъ бытія и дѣйствія. Бытіе съ своими вѣчными и непреклонными законами составляетъ царство истины. Средоточіе цѣлей, къ коимъ направляются цмочисленные формы дѣйствія, есть благо. Истина и благо суть посему двѣ первоначальныя формы жизни. Но ихъ полярная противоположность должна имѣть почву взаимнаго соприкосновенія и единства. Это бываетъ иногда, когда внутренняя полнота уравнивается съ дѣйствіями, въ коихъ проявляется; когда жизнь составляетъ сама для себя и начало и цѣль, когда благо является истиной самосущей и истина представляется благомъ всеобщедоступнымъ. И здѣсь-то начинается область красоты! Вся вселенная есть храмъ ея: ибо въ ней сія божественная гармонія оглашается несмѣтными аккордами. Присноущающая истина является въ ней неисчислимою благостию. Это святилище Вѣчной и Безпре-

дѣльной Жизни, *облекающейя во исповданіе и въ величїю* ! . .

Въ духѣ нашемъ, какъ въ зеркалѣ, сосредоточиваются и отражаются все лучи жизни, разсыянные въ великомъ зданіи вселенной. Она объемлется имъ со всехъ сторонъ и воспроизводится во всехъ своихъ формахъ. Каждый образъ ея явленія находитъ въ немъ для себя соотвѣтствующій органъ. Истина внемлется мыслию: благо преслѣдуется волею: красота обнимается чувствомъ. Мысль развивается въ знаніе: воля обнаруживается дѣятельностью: плодъ красоты есть наслажденіе. Красота посему для насъ есть мать наслажденія.

И такъ *наслажденіе* составляетъ первую степень общенія нашего съ красотою и следовательно первый моментъ развитія эстетической жизни. Но таково бываетъ оно только тогда, когда совершенно чуждо отъ всякой примѣси матеріальнаго услажденія, составляющаго насущную пищу животнаго нашего организма. Сіе послѣднее, сколь ни грубо, имѣетъ также благородное происхожденіе и легко можетъ совмѣститься съ нашимъ человеческимъ достоинствомъ, если не предается въ безусловную власнь слѣпому произволу. Оно есть слѣдствіе шатанувшейся симпатіи, связующей все существо наше съ природою;

эхо внутренней потребности гармонического сдруженія съ жизнью, оплывающее глухо] и смутно въ самой скудеи вещественнаго нашего соспавъ. Духъ нашъ, какъ законный владыка и самодержецъ всего нашего существа, можетъ полагать печать свою и на дѣйствія тѣла, принимая ихъ въ свое особенное заведываніе и управленіе : и тогда грубыя чувственныя удовольствія, въ коихъ мы соспязуемся съ живошными, получаютъ характеръ людскости, не унижающей по крайней мѣрѣ достоинства свободно-разумнаго духа. Киринейскій философъ, для котораго вся мудрость состояла въ искусствѣ разнообразить наслажденія, не испощая жизни, возвышается слишкомъ надъ дикимъ Канадцемъ, въ звѣрскомъ упоеніи пожирающимъ мозгъ своего непріятеля : ибо онъ, по сознанію, влагаемому въ уста его Поэтомъ, *не себя покоряетъ природѣ, а себя природу*. Не смотря однако на сіе пресвосходство, доколѣ сія наслажденія ограничиваются матеріею, доколѣ не имѣютъ въ себѣ ничего эстетическаго. Самый упоеннѣйшій счастіеполюбецъ, роскошествующій на зѣирномъ ложѣ знаменитаго некогда Британскаго чародѣя, не начиналъ еще жить эстетически. Наслажденіе собственно эстетическое начинается тогда, когда духъ нашъ, подъ грубою корою вещества, начинаешь, по крайней мѣрѣ тай-

но, предчувствованъ присущіе высшей, родной себѣ, жизни. Это происходитъ не вдругъ, а постепенно, чрезъ усмиреніе и смягченіе живою нашего организма: и сіе-то смягченіе составляетъ первый шагъ къ развишію въ насъ эстетической жизни; сіе-то опрышеніе наслажденія опъ матеріи составляетъ первую эпоху *эстетическаго образованія*.

Но подобно какъ красота представляетъ собой цѣлостъ дѣйствительной жизни, чувство, соотносящееся ей въ насъ, представляетъ собой цѣлостъ нашей жизненной дѣятельности. Въ немъ, какъ въ сѣмени, заимпы силы, составляющія человеческій организмъ жать. Состояніе полнаго, чистаго, невозмущаемаго чувства принадлежитъ собственно младенчеству, гдѣ человечесво существовать все вполне, въ прекрасныхъ надеждахъ, и гдѣ вся жизнь есть непрерывное наслажденіе. Съ возмужалостью начинается крѣпкая, крошкая, невозмущаемая полнопа: и въ глубины ея изникають, въ опдѣльныхъ нипахъ, опдѣльные направленія жизни. Наслажденіе или воспкиается до воспора и проливается въ дѣйствіи, или упиается до созерцанія и заковывается въ мысль. Мысль и дѣйствіе сунъ посеу двѣ полярныя противоположности, произникающія изъ чувства, подобно какъ истина и благо сунъ

двѣ полярныя крайности , объемлемыя красо-
пою. Отсюда впорой періодъ эстетической
жизни еспешвенно слагается изъ двухъ раз-
личныхъ направленій. Красота или обращает-
ся въ предметъ умственнаго созерцанія, или
становится средоточіемъ творческаго дѣй-
ствованія.

Умственное созерцаніе красоты или пред-
ставленіе ся въ понятіяхъ принадлежить
вкусу : творческая дѣятельность , проявляю-
щая внутреннюю полноту ея , въ изящныхъ
издѣліяхъ, соспавляетъ *геній*. И *вкусъ* и *геній*
возникающъ сами собою изъ полноты чув-
ства: но ихъ дѣйствія , даже и тогда , когда
пробиваются сквозь всѣ внѣшнія препоны
свободно и непринужденно , будучи пропиво-
положны другъ другу, подрываютъ и обезси-
ливаютъ взаимно другъ друга , ко вреду об-
ществу. *Вкусъ* , приспославившись къ правиль-
ности и порядку , простираетъ свою на-
блюдательность до пиранской строгости
или до мѣлочной кропотливости : *геній* ,
упоенный чувствомъ свободы и могущества ,
увлекается въ своемъ одушевленіи до анар-
хическаго своеволія , или до ребяческихъ при-
хотей. Здѣсь - то , по моему мнѣнію , ко-
рень и начало жестокихъ распрей ; свирѣп-
ствующихъ нынѣ , въ царствѣ изящнаго, ме-
жду такъ называемыми *классиками*, кои суть

не чпо иное, какъ ожеспоченные побори ики *вкуса*, и пакъ называемыми *романтиками*, кои супъ не чпо иное, какъ слпые фанатики *генія*. Распри сін, начавшіяся не нынѣ, могутъ бытъ прекращены не инымъ чѣмъ, какъ сдруженіемъ *вкуса* и *генія*. Сіе сдруженіе должно бытъ произведено чрезъ освѣщеніе взаимныхъ опношеній между враждебными силами и чрезъ введеніе ихъ въ должныя границы. *Вкусъ* долженъ ограничить свои припязанія и, признавъ свободное могущество *генія*, наблюдавъ за нимъ внимательно, по крошко : *геній* долженъ смирить свою дерзость и, уважая искушенную опыиность *вкуса*, слѣдовавъ его внушеніямъ не раболѣпно, но послушно. Эпо примиреніе, на копомъ зиждется совершенство изящной художественной дѣятельности нашего духа, сопавляешъ вшорую эпоху *эстетическаго образованія*.

Полное развитіе художественной дѣятельности, чрезъ изощреніе *вкуса* и воспитаніе *генія*, обыкновенно считаелся окончательною степенью эстетической жизни и окончательнымъ довершеніемъ *эстетическаго образованія*. Не паково мое мнѣніе. Изящныя искусства безъ сомнѣнія супъ прекраснѣйшіе цѣтпы эстетической дѣятельности. Въ нихъ духъ нашъ является достойнымъ соревнова-

пелемъ творящаго духа всеобщей жизни и защищаетъ торжественно свое подобіе Все-
 зидишельному Божеству. Но для выраженія
 всей полноты творческаго одушевленія, вос-
 торженнаго къ предощенію вѣчной и без-
 предѣльной Красоты, достапочно ли ограни-
 ченной формы изящнаго художественнаго из-
 дѣлія? Звукъ, картина, слово — выражаютъ
 только опредѣленные моменты творческаго
 энтузіазма. Для достойнаго служенія вѣчной
 и безпредѣльной Красотѣ недостапочно всего
 бытія нашего. Только вѣчность одна можетъ
 быть ея жрицею и безпредѣльность овящали-
 щемъ! Но безпрестанное обращеніе и стрем-
 леніе къ ней, во все продолженіе земнаго на-
 шего странствованія, естественно должно
 просвѣплять все существо наше небеснымъ
 ея сіяніемъ. И эсть высокій періодъ нашей
 жизни, когда всѣ силы и дѣйствія наши, про-
 никнушыя чудодѣйственною силою красоты,
 соглашаются въ одинъ стройный и звучный
 аккордъ пихаго, но величественнаго и уни-
 шительнаго одушевленія, я называю *Поэзіей
 Жизни*! Сія священная поэзія есть единствен-
 но достойная пѣснь торжественнаго хваленія
 и благодаренія той Всезидишельной Красотѣ,
 копорая благоволила, приобщивъ насъ неис-
 щощимой своей полноты, приобщить и не-
 исчерпаемаго своего блаженства. Не всѣ мы

призваны были художниками: эпо назначение немногих! Но для всех нас больше или меньше доступно сие блаженное наслаждение гармонією жизни, воспроизведенное въ насъ самихъ собственными нашими силами. Эпо воспроизведение составляетъ, по моему мнѣнію, высочайшій предѣлъ развитія эстетической жизни и окончательную совершительную эпоху *эстетическаго образованія*.

Таковы ступени восхожденія къ эстетическому совершенству! Какими же средствами восхождение сие облегчается?

Самое первое и главное средство, съ коего должно начинаться *эстетическое образованіе*, есть изученіе природы въ ея изящныхъ явленіяхъ. Вся снстема внунренняго нашего бытія такова, что, безъ прираженія къ ней внѣшнихъ предметовъ, ничто въ ней развитыя не можетъ. Это арфа, коея струны ожидаютъ прикосновенія, чтобы издавать звуки стройные и полные. Печать красокъ сіяетъ на всехъ твореніяхъ, составляющихъ великолѣпный храмъ природы — отъ величественнаго солнца, повышеннаго во глубинѣ безпредѣльной бездны, до малой пылинки, зыблущейся въ лучѣ его — и душа, сдружившаяся съ нею, можетъ вездѣ открывать слѣды ея. Но сие содружество должно быть приобретаемо. Подобно Пигмалионовой статуѣ, при-

рода пребывашъ нѣма и безопѣтна, доколѣ не согрѣется въ пламенныхъ объятіяхъ души, исполненной къ ней любвию. Любовь сія врождена намъ: оспаетъ только пипашъ и упражняшъ ее. Не усиливайтесь напрасно возжечь въ себѣ искру изящнаго насильственнаго раздраженіемъ воображенія: оно произведетъ только блудящіе огоньки, возгорающіеся и погасающіе мгновенно. Спунайте въ святилище Веспы, въ дѣвственное лоно природы: тамъ горитъ неугасяемо священное пламя. И кто изъ насъ не чувствовалъ его таинственной теплоты, въ лучшія минуты своей жизни? Часто дозволяемъ мы симъ драгоценнымъ минутамъ проскользнуть по нашей душѣ, подобно упрямней лепучей пѣни: и сколько чрезъ то теряемъ!.. Много беззаботныхъ пупниковъ проходило по морскому берегу, прежде сына Лапонина: но только его божественный слухъ умѣлъ отличить звукъ, произведенный его пятою; и презрѣнный покровъ черепахи превратился въ чудотворную лиру!.. Спорожите сіи минуты, оковыжайте ихъ благоговѣннымъ вниманіемъ: и вы сдружитесь съ природою и таинственный покровъ съ падетъ предъ вами!.. Такъ воспринимали себя великіе художники; они черпали вдохновеніе въ благодатномъ лонѣ природы: Гомеръ на цвѣтушихъ берегахъ роскош-

ной Ионіи , Оссіанъ на дикихъ скалахъ съдой
Морвены.

Съ тайнымъ прелепомъ, смѣшена ,
Въ упоеніи боговъ ,
Для безсмертья возрожденна,
Сбросивъ пепельный покровъ,
Входишь въ храмъ ея Психея!
Не прикована къ землѣ ,
Юной жизнью пламеня,
Развила она крыль!..

Но поученіе въ таинствахъ природы только что развивается въ насъ чувство изящнаго и порывы къ творчеству: для образованія ихъ къ художественной дѣятельности необходимо изученіе самихъ изящныхъ искусствъ. Красота разлипа въ природѣ подобно свѣту, коимъ глазъ всюду наслаждается , не различая радужной гармоніи цвѣтовъ , составляющихъ его цѣлостъ. Сія гармонія доступна до него только въ призмѣ. Точно также и сіяніе красоты , озмѣщающее вселенную , оцвѣщается только тогда , когда уловляется въ определенномъ изящномъ издѣліи. Сіе оцвѣщленіе имѣетъ для насъ не одну ту выгоду, что, умѣряя ея сіяніе, дозволяетъ разсматривать ее въ миниатюрной какбы цѣлости, но и ту еще , что , предпавляя намъ красоту , какъ дѣло собственныхъ нашихъ рукъ, ободряетъ насъ къ благородному сорев-

нованію и подкрѣпляетъ на поприщѣ творческаго дѣйствованія. Природа, въ своихъ порожесивеннѣйшихъ явленіяхъ, восхищаетъ и вмѣстѣ смиряетъ насъ необъяснимымъ величіемъ, предъ коимъ слишкомъ явно изобличается собсивенная наша малость. Но издѣлія изящныхъ искусствъ, чѣмъ превосходятъ, тѣмъ болѣе возвышаютъ насъ въ собсивенныхъ нашихъ глазахъ и тѣмъ поржесивеннѣе скрѣпляютъ узы родства, связующаго насъ съ красотою. Священные памятники творческой дѣятельности время минувшихъ сушь непреложнымъ свидѣтельствомъ нашего высокаго могущества.

Не умирая, вѣшь
Ты надъ своей могилой,
О гений! Надъ тобою
Обрушилось во прахъ
Твое прекрасное созданье,
А ны безсмертенъ!

- Этого одного чувства уже достаточно для того, чтобы окрились насъ на стремленіе къ тому же славному безсмертію, приобретаемому въ содружествѣ съ красотою. Путеводителями могутъ служить для насъ тѣ же самые памятники: ибо ими предсказывается живая лѣсвица, по которой духъ нашъ, въ теченіе тысячелѣтій, неспешенно восхо-

диль до той высоты эстетическаго совершенства, на коей является нынѣ въ лицѣ великихъ своихъ предшавителей. Такимъ образомъ изученіе изящныхъ искусствъ, сдвужая насъ ближе и ближе къ являющейся въ нихъ красою, неоспоримо есть важнѣйшее и необходимѣйшее условіе эстетическаго образованія.

Въ старинныя добродушныя времена уже довольно бы было этого достоинства, чпобы внушить уваженіе къ изящнымъ искусствамъ и заохотить къ ихъ прилжному изученію. Но въ нашъ расчепливый вѣкъ, когда вещи цѣнятся не сами по себѣ, а по ихъ большей или меньшей годности для дѣйствительной жизни, все эстетическое образованіе скорѣе найдеть прошивниковъ, чѣмъ ревнителей. »Что за эстетическое образованіе? чпю за изящныя искусства? пусть изучаютъ ихъ нѣ, кои обрекаются добровольно на безплодное служеніе Музамъ!« такъ скажутъ эгоисты, для которыхъ вся жизнь есть не чпю иное, какъ длинная ариѣметическая выкладка. Правду сказавъ, говаривали это и прежде: и не лзя не сознаться, чпю многочисленныя и многоразличныя злоупотребленія, коимъ эстетическое образованіе подвергается весьма часто въ рукахъ недоспойныхъ, благовидно оправдываетъ сіе оскорбительное презрѣніе. Даже, если ограни-

чипь образованіе сіе однимъ развиціемъ художественной дѣятельности, шовесьма трудно будетъ защищать его существенное достоинство. Изящныя искусства, разсмаприваемыя самі по себѣ опдѣльно, могутъ легко показаться игрушками, вымышляемыми досужею изобрѣпательностью на забаву и нѣгу праздности; и тогда много-много уже, если имѣ, по снисхожденію, оспавляется служебное преимущество: усыпать цвѣтами скорбный путь нашей жизни, осіавать опраднымъ веселіемъ чело, осѣненное мрачными думами, и навѣвать освѣжающее успокоеніе сердцу, изнуренному тяжкими заботами. Но сія чисто посторонняя и случайная польза, не всегда и не для всѣхъ еще доспигаемая, въ очахъ спрогихъ ревнипелей чловѣческаго достоинства еспественно не можетъ искупать вреда, причиняемаго ихъ злоупотребленіемъ: почему не удивительпо, что изящныя искусства, и вмѣстѣ съ ними всякое эстетическое образованіе, осуждались и прежде на пренебреженіе—и гибли, приносимыя въ жертву или гражданской дѣятельности, какъ въ древнія суровыя времена республиканскаго Рима, или умшвенному упонченію, какъ въ средніе мрачныя вѣки схоластической Іерархіи. Но это пренебреженіе не можетъ имѣть мѣста, если изящныя искусства будутъ представляться въ истинномъ ихъ свѣ-

тіть, какъ необходимыя условія эстетическаго образованія. Эстетическое образованіе есть довершеніе и вѣнецъ нашей Жизни: безъ него наша человѣческая природа ни доцвѣсть, ни вырѣсть не можетъ. Оно должно оканчиваться Поэзією Жизни, которая есть не что иное, какъ полное гармоническое развитіе всѣхъ струнъ человѣческаго бытія нашего. Не будь эпого развитія — струны сіи никогда не издадутъ полныхъ и свѣдлыхъ звуковъ. Вся жизнь наша превратится тогда въ пропѣжную монопонию, хладную и мрачную. Въ нашихъ дѣйствіяхъ слышенъ будетъ тяжелый скрипъ механической работы: наши познанія будутъ опзывать унылою пустошною чахлаго педантизма. Безъ эстетическаго образованія мы не можемъ вполнѣ наслаждаться блаженствомъ человѣческаго бытія нашего!...

Что было бы тогда наше умственное образованіе?.. Нѣтъ сомнѣнія, что существенную и единственную цѣль образованія умственнаго должно составлять вѣрное познаніе истины. Познаніе сіе пріобрѣтается испытаніемъ и размышленіемъ, отъ которыхъ пребуется только спрогоя внимательность и опчешливостъ. Это совершенная правда! Но что можетъ быть плодомъ эпой спрогой внимательности и опчешливости, если онъ будетъ орудіями одного сухаго любопытства? Мѣ-

Телеск. Ч. III.

40

лочное школярство, которое, изъѣдая скорлупу, покрывающую испину, уничтожаетъ и зерно вмѣстѣ съ нею. Основаніемъ живаго и полнаго знанія долженъ быть энтузіазмъ къ испинѣ; но энтузіазмъ сей не иначе возможенъ, какъ подѣ условіемъ *эстетическаго образованія*, научающаго видѣть испину въ красотѣ и красоту въ испинѣ. Развивая въ насъ такимъ образомъ любовь и уваженіе къ испинѣ, оно назначаетъ предѣлъ, гдѣ должны останавливаться припязнанія микрологической пышливости и начинается философическое вѣрованіе, которое одно только полагаетъ заключительный камень въ систему нашихъ познаній. Согреваемая теплотою его, науки превращаются изъ мертвыхъ скелетовъ въ живые организмы живыхъ свѣденій, не вымученныхъ насильственнымъ пыпкомъ опвлеченія изъ безсущныхъ логическихъ призраковъ, но произникающихъ свободно и неприужденно изъ свѣтлой полноты умственного созерцанія. Такъ Естествознаніе перестаетъ быть убійственнымъ трупоразытіемъ явленій и становится свѣтлою и полною карпинною одушевленной природы; Испорія превращается, изъ сухаго ряда именъ и чиселъ, въ стройное жизнеописаніе рода человѣческаго. Самая Философія, спряхнувъ съ себя схоластическую пыль мрачнаго суемудрія, перестаетъ быть завѣтною тайною гіерофантовъ и дружится съ

жизнию. Древніе лучше поспигали необходимости *эстетическаго образованія* для приобрѣтенія умственнаго совершенства. Они поспавляли упражненіе въ изящныхъ искусствахъ неизбѣжною степенью къ свяпилищу мудрости. Въ Пиеагоровой Книговіи время пригоповипельнаго искуса адептовъ проводилось, между прочими занятіями, въ занятіи музыкой. Платонъ началъ свое образованіе съ Гомера. Со-крастъ давалъ наспавленія свои въ мастерскихъ художниковъ и на вечерахъ у гетеръ: его юность пропекла за рѣзцомъ и послѣдній досугъ посвященъ былъ Поэзіи. Пошому-по ученость и не была тогда такимъ спрашилищемъ, ка-кимъ доспалась намъ опъ временъ схоласти-ческихъ: тогда не дичились и не пугались ей: она предспавлялась въ свѣпломъ образѣ дѣв-спвенной Паллады, изникающей во всеоружіи изъ главы Громовержца и соспязающейся о красотѣ съ самой Афродитой. Изображеніе глубокомысленное! Съ тѣхъ поръ какъ *образо-ваніе эстетическое* ондѣлилось опъ умствен-наго, оно изгладилось; и одна только ночная нипица сдѣлалась грустнымъ, но вѣрнымъ сим-воломъ нашей мудрости!..

Что бываетъ съ нашей нравственной дѣ-тельностью?.. Идеаль нравственной дѣятельности есть благо, къ коему посполнное и неослабное стремленіе предписывается спро-

гимъ вельніемъ свободы или пакъ называемымъ долгомъ. Безпрекословное повиновеніе ссму долгу соспавляетъ нравспвеннос совершєнспво или добродѣтель; и чѣмъ безкорыспнѣе и свободнѣе опъ всякаго чуждаго вліянія сіє повиновеніе, тѣмъ добродѣтель чище и возвыщеннѣе. Основаніемъ и началомъ нравспвеннаго образованія должно бытъ посему безусловное самоопверженіе воли въ жерпву долгу. Но что можетъ бытъ слѣдспвіемъ таковаго самоопверженія, если оно будетъ управляясь однимъ сознаніемъ суровой необходимости? Суешное факирспво, изнуряющееся въ безплодныхъ пожертвованіяхъ до совершеннаго изнеможенія. Испинная добродѣтель не иное что можетъ бытъ, какъ вѣчно разширяющееся и никогда не оскудѣвающее одушевленіе ко благу. Но сіє одушевленіе возможно опять только подъ условіемъ *эстетическаго образованія*, которое пріучаетъ насъ открывать благо въ красотѣ и красоту въ благѣ. Оно окривляетъ волю священною бодростью на скорбномъ нупи самоопверженія, указуя въ нравспвенномъ совершєнспвѣ опраднѣй покой нерушимаго блаженспва. Подъ его благодатнымъ жезломъ улегается мирно кипѣніе спраспей, раздражаемыхъ спрогою суровоспью долга: ибо оно умягчаетъ гласъ сго и сообщаетъ ему сладкую предєспь

чарующаго убѣжденія. Такимъ образомъ все наше поведеніе получаетъ особый характеръ, свѣтлый и досполюбезный. Крошкѣйшій миръ и блаженная пишина воцаряются во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ. Наша внутренняя жизнь спруиится, подобно свѣтлому попоку, подъ яснымъ безоблачнымъ небомъ; или если разливается иногда величественною рѣкою, по для того, чпобы напоить спруями своими жаждущія окрестности. Узы семейственные превращаются въ цвѣточную цѣпь любви, переплетенную радостями и надеждами. Жизнь общественная перестаетъ быть позорищемъ дикаго сполкновенія личностей, выгодъ и прихотей: она спановиится веселымъ пиршесствомъ радушія, любезности, оспроумія. Даже для самой гражданской жизни насмается новая блаженнѣйшая эпоха. Союзъ общественного порядка скрѣпляется птверже и спасительная власть законовъ блюдеится свяще. Древніе не умѣли иначе предспавишь происхожденіе гражданской жизни, какъ слѣдспвіемъ *эстетическаго образованія*. По ихъ увѣренію, пѣніе Орфеево воззвало людей къ сознанию ихъ челоѣчеспва, лира Амфіонова взгромоздила спѣны и птвердыни Оивскія. Какъ бы по ни было, но мы знаемъ досповѣрно по крайней мѣрѣ по, чпо, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, золотые вѣки поржеспвеннѣйшаго рас

крытія гражданской жизни были вмѣстѣ золотыми вѣками *эстетическаго образованія*. Знамениыя эпохи Соломона и Сезосприса, Перикла и Августа, Карла Великаго и Гаруна-ал-Рашида, Льва X и Людовика XIV, суть эпохи въ лѣтописяхъ гражданственности, просвѣщенія и—художества. Да и можетъ ли быть иначе? Душа образованная эстетически, душа полная внутренней гармоніи, не должна ли и всюду вокругъ себя любить и хранить гармонію? Нѣтъ! не для ней буйныя крамолы, неисповѣдныя мятежи, кровавые ужасы, коими поныряешься иногда благосостояніе общества! Красота не подруга буйства: она напротивъ мать мира, порядка и блаженства!

Но это все ли?.. Благодашнее вліяніе *эстетическаго образованія* не ограничивается тѣмъ только явленіями нашей жизни, коихъ окончаніе и разгадка здѣсь—на землѣ. Оно простирается выше — до тѣхъ таинственныхъ нипей, коими душа наша связуется съ небомъ. Я говорю о Религій! Дщерь вѣчности, она не только не чуждается *эстетическаго образованія*, въ своемъ земномъ странствованіи, но даже дозволяетъ ему служить себѣ, при воспитаніи рода человеческого для вѣчности. Съ самаго ранняго младенчества міра, она является окруженною изысканными искусствами. Народъ Божій, избранный бытъ ея за-

выпнымъ хранилищемъ, посвящаетъ первыя
начатки своей творческой дѣятельности въ
жертву своему Богу. При подошвѣ той та-
инственной горы, на которой поставленъ
вѣчный заветъ между имъ и Иеговою, онъ
созидаетъ Ему святилище, по плану, начер-
панному Самимъ Верховнымъ Архитекто-
номъ. Съ возвышеніемъ его гражданскаго бы-
тія, сіе святилище, по манію Мудраго Царя,
превращается въ великолѣпный храмъ, пор-
ожество изящества. Вѣнчанный Пророкъ ска-
челъ, играя, предъ священнымъ залогомъ бла-
гословенія Божія: между струнъ какъ гусли
Асафа и кимвалы Иидума, сливался съ его
Псалмирю, стройно звучащимъ Господню!..
Прешло ветхое царство сѣней и гаданій: но Спа-
ситель, принесшій намъ новую небесную
жизнь, не возбранилъ посвящать Себѣ луч-
шіе цвѣты нашей земной жизни: и всѣ искус-
ства, подобно Воспочнымъ Магамъ, поверга-
ютъ на алтарь Его свои сокровища. Зодчество
зидуетъ величественные храмы; рѣзецъ и
кисть воплощаютъ въ видимыхъ образахъ со-
кровенныя таинства вѣры; стройныя хоры воз-
носятъ къ небесамъ теплыя молитвы упованія:
поэзія распочаеетъ всѣ свои богатства для
воскуренія достойнаго еміама Единому Вѣч-
ному и Безпредѣльному!... И не напрасно для
самихъ насъ!.. Воплощая въ изящныхъ произ-

веденіяхъ благоговѣніе наше къ Божеспву, мы приучаемся видѣть въ Немъ начало вѣчнаго изящества, первообразъ безпредѣльной красоты: и сердце наше дерзновеннѣе осмѣливается любить Его! . . . Но что иное можетъ быть вся наша Религія, какъ не вѣчное исповѣданіе въ безпредѣльной любви къ Божеспву? . . . Такъ! *Богъ есть любовь: и пребывающій въ любви въ Богъ пребываетъ и Богъ въ немъ* (1 Іоан. IV, 46.)! Любовь ищетъ только любви и привлекается только любовью. Богъ есть и Истина: но намъ ли поспичъ Его? Богъ есть и Благо: но намъ ли объятъ Его? Богъ есть вѣчная и безпредѣльная Красота: и кто изъ насъ, упоенный священнымъ восторгомъ любви, не воскликнетъ съ Вѣчнымъ Пророкомъ: *Или же образомъ желаетъ елень на источники водные, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже! Возжада душа моя къ Богу крепкому, живому* (Псал. XLI, 2, 3.). *Красота въ десницу Твоей въ конецъ* (Пс. XV, 11)! . . .

Здѣсь-то полное и истинное значеніе эстетическаго образованія, которое я считаю послѣднюю цѣль изученія изящныхъ искусствъ!..

Н. Н.

II.

Л Е Н О Р А.

П З Ъ

Б Ю Р Г Е Р А.

Леноръ снился страшный сонъ:

Проснулася въ испугъ.

«Гдѣ милый? Что съ нимъ? Живъ ли онъ?»

«И вѣренъ ли подругъ?»

Пошелъ въ далекую спрану

Онъ съ Фридерикомъ на войну;

Никто объ немъ не слышитъ;

А самъ онъ къ ней не пишетъ.

Съ Императрицею Король

За что-то раздружились;

И кровь лилась, лилась, доколь

Они не помирились!

И оба войска, кончивъ бой,

Съ музыкой, пѣснями, пальбой,

Съ торжественностью ратиной

Пошли домой обратно.

Идутъ! Идутъ! За строемъ строй!

Пылятъ, гремятъ, сверкаютъ!

Родные, ближніе шолпой

Вспрѣчаютъ ихъ выбѣгаютъ!

Тамъ обнявъ друга нѣжный другъ,

Тамъ сынъ отца, жену — супругъ!

Всѣмъ радость — а Леноръ

Опчаянное горе!

Она обходить ранний сирой ,

И друга вызываешь ;

Но вступи нить ей никакой !

Никто объ немъ не знаешь !

Когда же мимо райъ прошла ,

Она свѣтъ Божій прокляла ,

И громко зарыдала ,

И на землю упала.

Къ Ленорѣ мать бѣжитъ съ тоской :

»Что такъ себя волнуешь ?

»Что сдѣлалось, дитя, съ тобой?»

И дочь свою цѣлуешь.

— О другъ мой ! другъ мой ! все прошло !

Мнѣ жизнь не жизнь, а скорбь и зло !

Самъ Богъ врагомъ Леноръ !

О горе мнѣ ! о горе ! —

»Проси ее, Небесный Царь !

»Родная, помолися !

»Онъ благъ ! Его руки мы пваръ !

»Предъ Нимъ душой смирися !«

— О другъ мой ! другъ мой ! все какъ сонъ !

Не милоспивъ со мною Онъ !

Предъ Нимъ мой крикъ былъ плачень !

Онъ глухъ и безотвѣпенъ ! —

»Мой другъ , онъ жалобъ удержишь !«

»Пожершуй сердцемъ Богу !

»Пречистыхъ тайнъ причастись !

»И уполишь превогу !«

— О другъ мой ! Что во мнѣ горнишь ,

Того и Богъ не уполилъ !

Ни тайнами , ни жертвой

Не оживиши мертвой ! —

»Но что, когда онъ самъ забылъ

»Любви святое слово?

»И прежней кляпъ измѣнилъ?

»И связанъ кляпвой новой?

»Мой другъ! и ты объ немъ забудь,

»Не рви тоской напрасной грудь!

»Не спойшь слезъ предатель!

»Ему судья Создатель!»

— О другъ мой! другъ мой! Все прошло!

Пропащее пропало!

Жизнь безоправдую на зло

Мнѣ Провидѣнье дало!

Угасни ты, проливный свѣтъ!

Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!

Самъ Богъ врагомъ Леноръ!

О горе мнѣ! о горе! —

»Небесный Царь, да ей проспишь

»Твое долгоперіенье!

»Она не знаетъ, что творить!

»Ея душа въ забвень!

»Мой другъ! земную скорбь забудь;

»Ведешь ко благу Божій путь!

»Смираннымъ рай награда!

»Спрашисъ мученій ада! «

— О другъ мой! Что небесный рай?

Что адское мученье?

Съ нимъ вмѣстѣ — все небесный рай!

Съ нимъ розно — все мученье!

Угасни ты, проливный свѣтъ!

Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!

Съ нимъ розю, умерла я,
И здѣсь и памъ для рая!—

Такъ дерзко, полная поской,
Душа въ ней бунтовала.
Творца на судъ она съ собой
Безумно вызывала.
Терзала грудь, власы рвала .
До той поры, какъ ночь пришла,
И темный сводъ надъ нами
Усыпался звѣздами.

И вошь какъ будто легкій скокъ
Коня въ пиши раздался;
Несется по полю вздокъ;
Гремя, къ крыльцу примчался;
Гремя, взбѣжалъ онъ на крыльцо;
И двери брякнуло кольцо.
Въ ней жилки задрожали.
Сквозь дверь ей прошептали:

»Скорѣй! оойди ко мнѣ, мой свѣтъ!
»Ты ждешь ли друга? Спишь ли?
»Меня забыла ты, нль нѣтъ?
»Смѣешься ли? Груспишь ли?
— Ахъ, милый! Богъ тебя принесъ!
А я опъ горькихъ, горькихъ слезъ
И свѣтъ въ очахъ зашмился!
Ты какъ здѣсь очутился? —

»Сѣдлаемъ въ полночь мы коней!
»Я вду издалёка!
»Не медли, другъ! Сойди скорѣй!
»Пусть дологъ! Мало срока!»

— На что спышишь, мой милый, намъ ?
 И въперъ воешь по кустамъ,
 И пьма ночная въ полѣ !
 Побудь со мной на волѣ ! —

» Чпо нужды намъ до тьмы ночной !
 » Въ кустахъ пусть въперъ воешь !
 » Часы бьгуць ! Конь борзый мой
 » Копыпомъ землю роешь !
 » Нельзя намъ жданы ! Сойди, дружокъ !
 » Намъ долгій цушь, намъ малый срокъ !
 » Не въ цару сонъ и нѣга !
 » Спо миль намъ до ночлега ! «

— Но какъ же конь пвой пролепшишь
 Спо миль до упра, милой !
 Ты слышишь, колоколь гудышь :
 Одинадцать пробилъ ! —
 » Но мѣсяцъ вспалъ ! Онъ свѣшишь намъ !
 » Гладка дорога мерпвецамъ !
 » Мы скачемъ, не боимся !
 » До свѣта мы домчимся ! «

— Но гдѣ же, гдѣ пвой уголокъ ?
 Гдѣ намъ приютъ укромный ? —
 » Далеко онъ ! Пять, шесень достокъ !
 » Прохладный, тихій, пѣмный . «
 — Есть мѣсто мнѣ ? — » Обоимъ намъ !
 » Повдемы ! Все готово намъ !
 » Ждутъ гости въ нашей кельѣ !
 » Пора на новоселье ! «

Она подумала, сошла ,
 И на коня вспрыгнула ,

И друга нѣжно обняла,
 И вся къ нему прильнула! . . .
 Помчались! Конь бѣжипъ, лепипъ!
 Земля прясепся опъ копѣипъ!
 Съ дороги вихри вьюпся!
 Опъ камней искры льюпся!

И мимо ихъ древа, кусты,
 Поля, холмы лепѣли,
 Подъ конскимъ попономъ мосты
 Дрожали и гремѣли.
 »Не спрашио ль?—»Мѣсяцъ свѣспипъ намъ!—
 »Гладка дорога мерпвецамъ!
 »Да что же такъ дрожишь ты?
 —За чѣмъ о нихъ швердинишь ты?—

»Но кто памъ спонепъ? Чпо за звонъ?
 »Чпо ворона взбудило?
 »По мерпвомъ звонъ! Надгробный спонъ;
»Да будетъ взятъ могилой!»
 И видяпъ ходѣ: идупъ, поюпъ!
 На дрогахъ плжкій гробъ везупъ!
 Былъ голосъ погребальной,
 Какъ вой совы печальной!

»Заройте гробъ въ полночный часъ!
 »Слезамъ шеперь не мѣспю!
 »За мной! Къ себѣ на свадьбу васъ
 »Зову съ моею невѣспой!
 »За мной, пѣвцы! За мной, пасторъ!
 »Пропой намъ многолѣпье, хоръ!
 »Намъ дай на обрученъе,
 »Пасторъ, благословенъе!»

И звань ушихъ и гробъ пропаль

И вызову покорный ,

Весь хоръ, сполпся, побьжалъ

За ними пѣнью чѣрной !

И даль, даль конь лепишь !

Земля прясется опъ копытъ !

Съ дороги вихри въюся !

Опъ 'камней искры льюся !

И сзади, спереди, съ боковъ

Окрестность вся лепъла :

Поля, холмы, ряды кустовъ ,

Заборы, дома, села !

»Не спрашно ль?«—»Мѣсяць свѣпипъ намъ!—

»Гладка дорога мерпвецамъ !

»Да что же такъ дрожишь ты ! «

— О мерпвыхъ все птвердишь ты ! —

Вопъ у дороги, надъ сполбомъ ,

Гдѣ висѣльникъ чернѣетъ ,

Въ лучахъ луны, свѣясь кольцомъ ,

Воздушныхъ стая вѣетъ .

»Ко мнѣ! За мпой, вы плясуны!

»Вы всѣ на пиръ приглашены!

»Скачу, лечу женишься !

»Ко мнѣ! повеселишься ! «

И лепомъ, лепомъ легкій рой

Пуспился въ слѣдъ за ними ,

Шумя, какъ выперъ полевой

Межъ листьями сухими !

И даль, даль конь лепишь !

Земля прясется опъ копытъ !

Съ дороги вихри вьются!
Опъ камней искры льются!

Вдали, вблизи, со всѣхъ споронъ,
Все мимо ихъ бѣжало;
И все какъ тѣнь, и все какъ сонъ
Мгновенно пропадало!

»Не страшно ль?«...—»Мѣсяць свѣпипъ намъ!—

»Гладка дорога мертвецамъ!

»Да что же такъ дрожишь ты?»

— За чѣмъ одно швердишь ты? —

»Мой конь, мой конь! Песокъ бѣжитъ!

»Я чую, ночь свѣже!

»Мой конь, мой конь! пыпхъ кричипъ!

»Мой конь, несись быспре!

»Оконченъ пупъ! исполненъ срокъ!

»Намъ близко, близко уголокъ!

»Въ минушу мы уместа!

»Прѣхали, невѣста!»

Къ воропамъ конь, во весь опоръ

Примчавшись, спалъ и попиуъ;

Бздокъ бичемъ спегнууъ запоръ —

Запоръ со спукомъ лоннууъ;

Разшворы врозь. . . . Кладбище тамъ!

Конь быспро мчипся по гробамъ!

Лучи луны сіяюуъ!

Кругомъ кресны мелькаюуъ!

И чпожъ, Ленора, что попомъ?

О страхъ! Въ одно мгновенье

Кусокъ одежды за кускомъ

Слепымъ съ него, какъ плынье!

И нѣтъ ужъ кожи на костяхъ!

Безглазый черепъ на плечахъ!

И сталъ красавецъ, словомъ,

Ободаннымъ осповомъ!

Конь прынулъ! Пламя изъ ноздрей

Волною побѣжало!

И вдругъ все пылью передъ ней

Расшиблось и пропало!

И вой и спонъ на выпинѣ!

И крикъ въ подземной глубинѣ!

Лежишь Лепора въ страхѣ

Полмертвая на прахѣ.

И въ блескъ мѣсячныхъ лучей,

Рука съ рукой, лепашень,

Вѣясь надъ нею, рой пѣней,

И такъ ей притѣваешь:

«Терпи, терпи, хоть ноешь грудь!

«Творцу въ бѣдахъ покорна будь!

«Твой прахъ сойди въ могилу!

«А душу Богъ помилуй!

В.

III.

КТО ЖЕ ОНЪ ?

ПОВѢСТЬ.

Is not this something more than fantasy?
What think you of it?

*Hamlet. I. 1.**(Посвящается X — у).*

I.

Я поперялъ друга. Пусть обвиняють меня въ приспраспін; но, мнѣ казалось, что былъ ангель, низпосланный на землю и призванный назадъ, прежде нежели что либо человѣческое успѣло исказить его божественную природу. Спорило взглянуть на возвышенное, всегда воспорженное чело его, дабы прочесть на немъ неизгладимое свидѣтельство его небеснаго происхожденія.

Скорбь друзей покойнаго была невыразима; но изъ живой и сильной она обрапилась поспешенно въ тихую грусть: печальное и вмѣстѣ сладостное наслѣдство! Прошло около года послѣ его кончины; наспутила весна. Обновленная природа обновила и насъ. Сердца наши распворились для радости; миновала и грусть въ свою очередь. Житейскія удовольствія, мірскія заботы спали опять завлекавъ насъ въ свои обманчивыя сѣпи. Исчезло

мало по малу по невольное самоопроверженіе, съ коимъ забываешь о себѣ, послѣ великой потери, и живешь одною памяшью объ оной. Но и въ этой памяти, развѣ не проглядываетъ чувство эгоизма, по чувству, которос слѣдуетъ за всякой несбывшейся надеждой?

Когда время возвратило меня самому себѣ, я возобновилъ свои прежнія занятія. Семейственныя дѣла часно отвлекали меня отъ оныхъ. Однажды я прихожу въ Банкъ, и въ ожиданіи выдачи денегъ, смопрю на песпрую, движущуюся помпу, копорая ежедневно пѣснится въ семь зданіи. Тамъ встрѣчаюся всѣ сословія, начиная отъ вельможи, закладывающаго свое послѣднее имѣніе, до простаго селянина, копорый кладетъ въ роспѣ избытокъ своихъ скудныхъ доходовъ. Меня развлекло это движеніе, коего пружиной была пошребность денегъ, денегъ, и еще денегъ. Двери почти не зашворялись; знакомыя и незнакомыя лица мелькали передо мною: по веселыя, по пасмурныя, но чаще невыразительныя, онѣ появлялись и исчезали, какъ пѣни въ фантасмагоріи. Но вопѣ двери отшворяюся насшежъ; молодой осанистой чловѣкъ величаво сбрасываетъ съ себя плащъ на руки лакея, и быстро проходитъ чрезъ залу въ Совѣтъ Банка. Не прошло пяти минутъ, мой незнакомецъ возвратился изъ Со-

вѣща;—я смотрѣлъ тогда прямо ему въ лице.....» то былъ покойный другъ мой!

Не помню, какъ я вскочилъ со стула и подбѣжалъ къ нему. Взглядъ, брошенный имъ вскользь на меня, еще болѣе увѣрилъ мое воображеніе, что то былъ покойникъ. Я осполбенѣлъ, сѣлся промолвить слово и не могъ, хотѣлъ кинуться въ его объятія и споллъ недвижимъ. Между тѣмъ онъ былъ опъ, меня уже далеко; слуга накинулъ на него плащъ, и онъ вышелъ изъ залы, сполъ же мало обративъ на меня вниманіе, какъ и при вхождѣ.

—Нѣтъ! это не другъ мой, сказалъ я въ суевѣрномъ недоумѣніи. Онъ не прошелъ бы мимо меня, не пожавъ мнѣ руки, не сказавъ пріятнаго слова. Но что я говорю? Можетъ ли привидѣніе являться посреди дня, въ полнѣ людей? Духи любятъ мракъ и уединеніе. . . . Но вѣдь это ангелъ свѣта; пакъ чего же ему спрашиваться людей, своихъ бывшихъ собратій?

Мои распрѣсы о незнакомцѣ были на эпошъ разъ напрасны: никто изъ присутствовавшихъ не зналъ даже его имени, и никогда не видалъ его въ семь мѣсѣ. Любопытство мое возрастало; но я долженъ былъ опложить свои розысканія до другаго времени.

II.

Спустия нѣсколько дней послѣ сей встрѣчи съ чуднымъ незнакомцемъ, сажу я въ Театръ. Подлѣ меня одно кресло оставалось долго не занятымъ. Я положилъ на него свою шляпу, и равнодушно смотрѣлъ на симметрическія группы балетчиковъ и несносно правильныя ихъ пѣлодвиженія. Вдругъ, какъ бы на крыльяхъ вѣтра, вылетѣли на средину сцены Гюлень и Ришардъ, и громкія рукоплесканія встрѣпили сихъ двухъ любимцевъ Московской публики. Я заглядѣлся на нихъ, и не чувствовалъ, что порожнее кресло было уже занято, и шляпа моя сложена на полъ. Вольность сосѣда мнѣ не понравилась; я взглянулъ на него: то былъ человекъ лѣтъ тридцати, въ очкахъ фиолетоваго цвѣта, копорый былъ занятъ, казалось, одной сценой, и не обращалъ вниманія на окружающихъ. Съ досадою поднималъ я свою шляпу, и опрясая съ нея пылъ, нарочно задѣлъ ею сосѣда, чѣмъ за его невѣжливостъ оплакивать пѣлъ же. Но онъ того и не примѣтилъ.

—Какъ хороша! воскликнулъ онъ наконецъ довольно громко.

—Кто? спросилъ я, слѣдуя за его очками, обратившимися тогда на сосѣдній бенуаръ, гдѣ сидѣли знакомыя мнѣ дамы.

—Эта декорація, отвѣчалъ онъ хладнокровно.

Сія слова были произнесены имъ совершенно другимъ голосомъ, чѣмъ первый. Звуки онаго поразили меня: то былъ голосъ покойнаго друга! — Но я не вѣрилъ слуху, и спарался разогнать мысль о сходствѣ, какъ обманчивую мечту. Однако взоры мои невольно обратились къ ложѣ съ знакомыми дамами. Между ними была дѣвушка лѣтъ осьмнадцати, блѣдая и задумчивая; казалось, она лишь изъ приличія смотрѣла на балетъ и не раздѣляла общаго удовольствія. Чинпатели поймутъ ее равнодушіе, когда узнаютъ, что послѣднія слова покойнаго друга къ ней относились, что послѣдній вздохъ его былъ посвященъ опсупствующей подругѣ. Мнѣ поручилъ онъ передать ей эпотъ вздохъ, эпі слова; — и я спалъ повѣреннымъ ее сердечныхъ пайнѣ. Она любила юношу со всею искренностію первой дѣспвенной любви, и при его жизни не смѣла въ помъ ему сознаться. Но горестъ испоргла изъ ее груди шяжкое признаніе, которое, какъ увядшій цвѣтъ, назначено было украсить лишь могилу ее возлюбленнаго.

Я взглянулъ на дѣвушку; взоры наши сошлись, и легкій румянецъ покрылъ ее блѣдыя щеки. Не желая продлить ее замѣшательства, я обратился къ сосѣду.

— Какъ находите вы балетъ? спросилъ я у него.

— По слухамъ, я ожидалъ лучшаго, оповѣчалъ онъ плагиаторскимъ своимъ голосомъ; впрочемъ онъ обремененъ порядочно. А какъ зовутъ танцовщика?

— Ришардъ; развѣ вы видите его въ первый разъ?

— Я прѣхалъ сюда недавно, послѣ придишнѣшняго опсундствія.

— И пошому вы должны худо помнить Москву, оставивъ ее въ дѣтствѣ?

— Извините, оповѣчалъ незнакомецъ съ важностію; я уже долго живу на свѣтѣ.

— Вамъ угодно смѣяться надо мной, сказалъ я съ нѣкошорой досадою; судя по лицу, я не далъ бы вамъ и придишнѣ лѣтъ.

— Право? а слыхали ль вы о Графѣ Сен-Жерменѣ?

— Чпо хопинте вы сказать?

— Горадіо! много шайнаго на землѣ и на небѣ, чего философія ваша и не подозрѣваетъ.

— Вижу, — оповѣчалъ я съ возраспающимъ неудовольствіемъ, — чпо вамъ знакомъ Шекспиръ; но далѣе ничего не вижу.

Вмѣсто оповѣща сосѣдъ мой снялъ свои фюлеповые очки, и приспально посмопрѣлъ на меня. Я вздрогнулъ. . . . Лице его будпо измѣнилось и помолодѣло; я узнать въ немъ

юношу, столь разительного сходного съ моимъ покойнымъ другомъ.

— Бога ради скажите мнѣ. . . . воскликнулъ я, внѣ себя отъ удивленія.

Незнакомецъ прервалъ меня. — Молодой человекъ, сказалъ онъ въ полголоса; здѣсь не мѣсто говорить объ эпосѣ.

И надѣвъ свои фиолетовые очки, онъ спалъ снова сомкрѣпъ на сцену.

Балетъ кончился. Я вошелъ въ бенуаръ, гдѣ сидѣла упомянутая мною дѣвушка. Съ нею была ея мать, пожилая дама, копорая, не смотря на лѣта, спаралась идти наравнѣ съ вѣкомъ. Спрогая поклонница всего моднаго и новаго, немного болтливая, она была впрочемъ добрая и радушная женщина, чадолюбивая мать, и одна изъ тѣхъ разсудительныхъ женъ, копорыя, управляя впаинѣ мужьями своими, позволяющъ имъ въ публикѣ говорить я, и пользоваться призракомъ власти. Она вспрѣпила меня кучей вопросовъ. »Ну, что же нашъ домашній пеперъ? Вы вѣрно будете на первой репетиціи? Не правда ли, что мой Пеперъ Андреичъ счастливо выбралъ *горе отъ ума*? Всѣ говорящъ объ эпосѣ комедіи, и между тѣмъ она шакъ мало извѣстна. Не правда ли, что довольно оригинально вышавлящъ передъ нашей публикой ея же предразсудки? Ахъ, кшати: будете ли вы зав-

тра упромъ на аукціонъ? Мы туда собираемся; моей Глафирѣ спрахъ хочешся видѣшь домъ и вещи покойнаго Графа.»

Я спѣшилъ прервать ее; однако не зналъ, на которъй изъ вопросовъ отвѣчать прежде.

— Покупать на аукціонъ я ничего не намѣренъ, сказалъ я наконецъ; но если вы тамъ будете.

— По крайней мѣрѣ для насъ прїѣзжайте туда,—прибавила Глафира низкимъ голосомъ.

— Ну, а роль *Чацкаго*, *comment va-t-il?* спросила у меня Линдина.

— Она, право, выше силъ моихъ, отвѣчалъ я.

— Не слушаю вашей отговорки, возразила Марья Васильевна; завтра вечеромъ репетиція—и вы наши. Мой Пепръ Андреичъ играетъ *Фамусова*, а Глафира *Собью*: это рѣшено. Кспаши, что твои глаза? прибавила она, обращаясь къ дочери. Чпо, все еще красны? Вообразите, простудила глаза, и не бережешся. Смотри, не при же ихъ.

Я зналъ, опть чего красны глаза ея, и что это вовсе не опть простуды. Желая прекратить сей разговоръ, я обратился было опять къ роли *Чацкаго*, какъ вошелъ въ ложу Пепръ Андреичъ съ веселымъ, лучезарнымъ лицомъ.

— Сей часъ въ корридорѣ я встрѣшилъ,

сказалъ онъ, одного спараго знакомаго, и сдѣлалъ важное приобръшеніе.

— Чпо такос? Ужь не купилъ ли Подмосковной, копорую пы для меня поргуешь? весело спросила Линдина.

— Нытъ, душенька, не по; я опыскалъ опличнаго Чацкаго, и если полько позволите....

Послѣднія слова опносились ко мнѣ; и я съ радосію гошовъ былъ успунить роль свою; но Марья Васильевна не дала мнѣ опвѣчапъ.

— Какого Чацкаго? вскричала она. Развѣ есыъ на свѣпъ Чацкіе?

— Не по, душа моя, пы меня не понимаешь. Вопъ въ чемъ дѣло: когда я служилъ въ Петербургъ, тому назадъ лѣтъ шрицпъ, по былъ знакомъ по общеспву съ однимъ премилымъ человекомъ, не помню его фамиліи; и какъ бы пы думала? Предспавъ: ссей часъ вспрѣчаю его, ѣспъ мороженое. . . .

— Такъ чпо же?

— Какъ чпо? Узнаю его съ перваго взгляда; чудака нисколько не перемѣнился;—между пѣмъ какъ я успѣлъ уже соспарѣпсья.

— Да пы, другъ мой, не бережешь себя, возразила жена съ нѣжнымъ упрекомъ. Возможно ли? Ёздишь каждый день въ Клубъ, какова бы ни была погода, и просиживаешь шамъ до часу, до двухъ ночи!

— Полно, полно, мой атомъ, опѣвчалъ мужъ; вспомни, что когда бы я не былъ спарикомъ, то не игралъ бы Фамусова. Ха, ха, ха, нашелся! не правда ли?

— Конечно, сказалъ я, улыбаясь; мы были бы лишены удовольствія видѣть васъ въ этой роли; но . . .

— Комплиментъ, еще не заслуженный, опѣвчалъ довольный Линдинъ; и въ опмщеніе я лишаю васъ роли Чацкаго. Но, прибавилъ онъ, пожавъ мнѣ руку, мы съ вами безъ церемоніи, и вы будете играть *Момалина*. Согласны ли?

Я согласился, и Петръ Андреичъ продолжалъ :

— Завтра я познакомлю васъ съ моимъ старымъ пріятелемъ. Прелюбезный человекъ: не смотря на свой шестой десятокъ, онъ свѣжъ, какъ не знаю кто, — и охотно беретъ на себя Чацкаго. Говорилъ, что уже нѣсколько разъ игралъ его.

— Ты, спало бытъ, все рассказалъ ему? спросила жена; но какъ же зовутъ своего пріятеля?

— Онъ мнѣ называлъ себя, но право не помню; что-то въ родъ Вышіянь, знаю, что на *янь*. Но вошъ онъ, въ пренѣмъ ряду кресель. Чудакъ! не смотритъ.

— Не въ фіолетовыхъ ли очкахъ? спросилъ я съ неперпѣніемъ.

— Ну, да; а развѣ вы его знаете?

— Нѣтъ; но онъ мой сосѣдъ по кресламъ, опивчалъ я въ замѣшательствѣ.

Линдинъ того не примѣшилъ, и собирався бѣжать въ клубъ.

— Сей же часъ зову къ себѣ весь городъ на предсѣваніе, говорилъ онъ; я введу его въ лучшее обществѣ, познакомлю съ нашею публикой. . . . Пусть всѣ толкуютъ о Чацкомъ Линдина, и спрашиваютъ наперерывъ: кто такой, кто такой?

Но сначала, топъ аті, узнай, какъ его зовутъ, замѣтила Марья Васильевна. Да, кспати, смопри, не засиживайся въ клубъ. Ахъ, постой, постой: что это у тебя на плашь?— Соринка. Ну, теперь спупай съ Богомъ.

Мы проспились до завтра, и я, вмѣстѣ съ Линдинымъ, оспавилъ театръ.

III.

Утро на аукціонъ, вечеръ на репетиціи: день, пошерянный для самого себя; но сколько такихъ дней въ жизни!

Давъ слово Линдинымъ занять для нихъ мѣста, я опправился заранѣе въ домъ покойнаго Графа, гдѣ назначенъ былъ аукціонъ. Давно ли въ снѣгахъ онаго раздавались клики

веселія? А теперъ слышенъ лишь стукъ молотка, да прерывистый голосъ аукціонера.

Графъ, коему принадлежали домъ и вещи, назначенные теперъ къ продажѣ въ уплату многочисленнымъ кредиторамъ, былъ не послѣднею спрранностію прошедшаго вѣка. Богатый, знашнаго рода, онъ воспитывался и провелъ свою молодость въ чужихъ краяхъ. Душею принадлежалъ онъ Италіи и Франціи; къ опечеспву же своему былъ привязанъ только длинной родословною нишью, на немъ же порвавшаяся, да десяпкомъ пысячь душъ, кои успѣлъ прожить — или правильнѣе — промѣнялъ на нѣсколько бездушныхъ спашуй. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ любителей и знапковъ искуспва, копорые, проведя полвѣка въ Италіи, вывозятъ опшуда нѣсколько поддѣльныхъ оригиналовъ и анпиковъ, оспавляють памъ половину имѣнія, и возвращаюпся въ опечеспво съ тѣмъ, чпобы оспальную половину пропустишь сквозь руки мѣняль, скульппоровъ Кузнецкаго моспа и рыцарей промышленности всякаго рода. Къ честии нашего вѣка, сіи вельможные знапоки образовательныхъ искуспвъ начинаютъ теперъ переводиться; бытъ можетъ, и неуспѣхи испиннаго просвѣщенія пому главной причиной: но почему не утѣшайтъ себя пріятной мечпою, чпю экономическимъ духомъ нынѣш-

нихъ баръ мы обязаны не одной распочинельности ихъ опцевъ, но и благотворному вліянію наукъ и мнѣнія.

Какъ бы ни было, но въ наше время свекловича, опкупа, многопольная система, и пр., заступили мѣсто картинъ, спашуй и аншиковъ. Мнѣ скажутъ: не паже ли мы разоряемся на экономіи, какъ наши дѣды разорялись на искусствахъ? Нѣтъ, государи мои! Въ неудачныхъ попыткахъ свекловичнаго фабриканта я вижу залогъ будущихъ успѣховъ; капиталы, обращенные въ *humus* новомоднымъ хлѣбопашцемъ, еще не совсѣмъ неперины для дѣшей его. Опышность покупается дорого, весьма дорого; но цѣна, какою она намъ доспается, никогда не превышаетъ благодѣній, получаемыхъ опъ нея самымъ опдаленнымъ потомствомъ. Но прошу сказать мнѣ въ свою очередь: какую пользу принесли нѣ, кои распочили богатія свои опчины на картинныя галлерей, на библиотечныя рѣдкости, на музеи, единспвенно для того, чпобы по ихъ смерти, а иногда и при жизни, удары аукціоннаго молота раздробили на мѣлкія частии ихъ огромное, но суешное спяжаніе? И добро бы они сумѣли сохранить эти памятники своего щеславія, и завѣщали оные своимъ согражданамъ; и вмѣстѣ по-го, чпобы оспавляли ихъ въ пыли и забве-

ніи, посвятили бы на общественное употребленіе. Благодарное попомствіе позабыло бы блудную распотчивельность своихъ предковъ, позабыло бы и то, что, бывъ можетъ, они нуспили по міру не одно семейство, — и сохранило бы въ незлобной памяти одно благое, одно изящное ихъ поступка.

Покойный Графъ, подобно многимъ другимъ, не разсудилъ за нужное передать попомству имя свое на ряду съ именемъ Демидова; и его

Амуры и Зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ.

Дворъ великолѣтнаго его дома былъ весь покрытъ экипажами. Многочисленная публика толпилась у входа; на лѣстницѣ, въ залѣ, посреди коей былъ устроенъ обширный амфитеатръ, зрители и покупщики тѣснились живописными группами вокругъ арены, въ коей, вмѣсто рыцарей и герольдовъ, возсѣдалъ начальникъ аукціона. Передъ нимъ, на длинномъ и широкомъ столѣ возвышались драгоценныя вазы, канделабры, часы, небольшія шпагуи; по сторонамъ залы висѣли картины; огромныя фоліанты лежали горами на полу; впереди же аукціонера, у большаго венеціанскаго окна стояли два колоссальныхъ, порфирныхъ стлѣпковъ, безмолвные, но грозные свидѣтели

зрѣлища, которое столь разительнo представ-
ляло и блескъ и суету міра.

Я не заспалъ уже начала: многія вещи были
раскуплены. Не смотря на многолюдство,
мнѣ удалось найсти для себя и для Линдиныхъ
мѣста на амфитеатрѣ.

При входѣ моемъ въ залу, аукціонеры при-
супили къ продажѣ дорогихъ бронзовыхъ
часовъ. Цѣна, судя по вещи, была довольно
умѣренная; однако она превышала средства
большей части присутствующихъ. Молопокъ
ударилъ два раза—никто не вызывался къ
покупкѣ. Послѣ третьяго вызова, одинъ муж-
чина, иностранецъ по выговору, надбавляетъ
рубль; всѣ молчатъ: часы остаются за нимъ.

Не знаешь ли, кто это счастливецъ?
спросилъ я у одного знакомаго.

—Это извѣстный негоціантъ N. Часы, ко-
торые достались ему, имъ же и проданы
Графу. За нихъ было ему заплачено ровно
впрое противъ пеперешней цѣны.

—Возможно ли, сказалъ я; да эти часы да-
леко того не стоятъ.

Г. Негоціантъ постарается, надѣюсь, дока-
зать тебѣ прошивное, отвѣчалъ насмѣшливо
мой пріятель.

Во время нашего разговора какой-то согбен-
ный старичекъ, едва передвигая ноги, вошелъ
въ залу.

—En bien—сказалъ онъ нестоцианту по Французски—ты перебилъ у меня часы; вѣдь я собирался купить ихъ для своего Московскаго кабинета.

—Не ужъ-лио! Je suis au désespoir! воскликнулъ обрадованный иноспранецъ. Впрочемъ они въ вашемъ распоряженіи, прибавилъ онъ съ улыбкою.

—Хорошо, хорошо—отвѣчалъ спаричекъ, направляя лорнетъ на ряды дамъ, сидѣвшихъ по обѣимъ сторонамъ аукціона. — Приходи завтра ко мнѣ, мы сладимъ дѣло.

—И ты въ накладъ не останешься — тихо прибавилъ мой насмѣшникъ.

Между тѣмъ пріѣхали Линдины, и сѣли на удержанныя мною мѣста. Глаффра, въ упренномъ платьѣ яркой бѣлизны, была мила, какъ Ангелъ. Согбенный спаричекъ поспѣшь же навелъ на нее лорнетъ свой.

—Вопшь рѣзкой конспраспъ, подумалъ я: молодость и дряхлоснъ, невинность и грѣхъ.

Но сіи Сперновскія размышленія были прерваны громкимъ голосомъ аукціонера, извѣщавшаго о перспнѣ съ геммою отличной работы. Глаффра просила меня поднести къ ней перспень. Голова юноши, вѣроятно Алкивіада, выдавалась рельефомъ на бѣломъ халцедонѣ. Бѣдная дѣвушка нашла въ семъ изображеніи большое сходство съ милымъ ея другомъ.

Телеск. Ч. III.

12

—Чего бы ни стоило, а этотъ перстень долженъ принадлежать мнѣ—сказала она едва слышимымъ голосомъ, наклонивъ ко мнѣ свою голову. Уговорите бабюшку купить его для меня.

Петръ Андреичъ, по любви родительской, скоро на то согласился. Начался торгъ. Какъ нарочно, на перстень нашлось множество охотниковъ; но они надбавляли по бездѣлицъ, и Петръ Андреичъ стоялъ твердо въ своемъ намѣреніи. Наконецъ совѣстники его замолкли. Молодъ ударилъ уже въ другой разъ: Линдинъ торжествуетъ, Глафира вѣт себя отъ радости. Простосердечная дѣвушка заранѣе восхищалась своей будущей покупкой, какъ, Богъ знаетъ, какимъ счастьемъ. Воображеніе женщины, окриленное любовію, игриво и свосправно: упадетъ ли роса на древесный листокъ и проведетъ по нему нѣсколько желтыхъ полосокъ—ей мнился, что само небо начерпало нерукошворенный образъ ея возлюбленнаго; нарисуетъ ли облако бѣглый прозрачный силуэтъ его, она не сводитъ глазъ съ облака; найдетъ ли она поже сходство въ мелькнувшемъ лицѣ, на карпинѣ, на камнѣ—мечтамъ ея конца нѣтъ; она наслаждается обманомъ, она ловитъ призракъ, какъ будто существенность.

Линдинъ вынулъ уже бумажникъ, и хотѣлъ опсчиташъ деньги, какъ чей-то голосъ,

будто мнѣ знакомый, выходившій изъ толпы посыпшелей, разомъ надбавилъ нѣсколько сотъ рублей. . . .

Зрители онѣмѣли отъ удивленія; глубокое, продолжительное молчаніе послѣдовало за спрашнымъ вызовомъ къ аукціонному бою. О Глафирѣ и говорить нечего: паническій страхъ овладѣлъ ею; блѣдная и безмолвная, она устремила на отца глаза свои, коими какъ-бы умоляла его не уступать противнику драгоценнаго ей персня; но Линдинъ отказывался надбавлять цѣну, и безъ того уже высокую. Я рѣшился было войти съ дерзкимъ невидимкою въ торговое соспязаніе и заставивъ его отказаться отъ добычи; но кончено: роковой молотъ ударилъ въ преній разъ. . . Этотъ ударъ глубоко опоздался въ сердце Глафиры. Ея внезапная блѣдность, приписываемая усталости, заставила мать поспѣшить съ дочерью домой; и между тѣмъ, какъ я усаживалъ доброе семейство въ карету, незнакомый покупатель раслапился, взялъ персень и исчезъ. Съ досадой въ сердцѣ я возвратился домой — и какъ скоро наступилъ вечеръ, поспѣшилъ къ Линдинымъ.

IV.

По приѣздѣ къ нимъ, я былъ пораженъ болѣзненнымъ видомъ Глафиры и необыкновен-

ною веселостію Петра Андреича. Онъ не замѣчалъ, по видимому, ни спраданій дочери, ни скуки гостей, и былъ занятъ однимъ Вашіаданомъ—(Петръ Андреичъ вспомнилъ наконецъ имя своего спараго приятеля)—который приѣхалъ прежде меня и успѣлъ уже познакомиться съ цѣлымъ свѣтомъ. Если бы не голосъ его, да фіолетовые очки, я не узналъ бы въ немъ важнаго, паинспвеннаго сосѣда моего по театру: онъ былъ говорливъ, веселъ, развязенъ, и нисколько не казался спарикомъ въ шестидесятъ лѣтъ.

Сіе новое приобрѣщеніе, какъ выражался Линдинъ, утѣшало его до крайности; онъ восхищался заранѣе *своимъ* Чацкимъ. Причина его восторга была понятна; но что произвело такое сильное потрясеніе въ Глафиръ? Уже ли одна неудача въ покупкѣ перспія? Она не была такъ малодушна. Или голосъ Вашіадана пробудилъ въ ней воспоминаніе о потерянномъ другѣ? Ясно было лишь то, что она скрывала въ груди своей какую-то новую и спрашную пайну; но извѣдавъ оную не позволяли ни время, ни благоразуміе. Однако я рѣшился спросить ее, въ состояніи ли она играть сегодня. Этимъ вопросомъ вывелъ ее изъ задумчивости.

— Развѣ вы починаете меня больною? спросила она въ свою очередь.

— Не больною, но распроенною опъ да-
вишняго. . . .

Она прервала меня съ живостію: »не дого-
варивайше; въ самомъ дѣлѣ я не знаю, буду
ли въ силахъ играть пеперь; но чшобъ не
огорчить бапюшку, постараюсь преодолѣшь
свою робость.«

—И будпо одну робость? спросилъ я испы-
тующимъ голосомъ.

—Господа, господа, провозгласилъ Пепръ
Андреичъ, хлопая въ ладоши; чпо же наша
репетиція? Всѣ актеры налицо — начнемъ-
ше.

Глафира поспѣшно удалилась, подъ предло-
гомъ пригошовленія къ репетиціи. Дамы и
кавалеры, участвовавшіе въ Комедіи, послѣдо-
вали за нею въ залу, гдѣ на скорую руку бы-
ла устроена сцена изъ досокъ и размалеван-
ной холстины.

Наконецъ, посреди жаркихъ споровъ и со-
вѣщаній, въ коихъ громогласное я Пепра
Андреича раздавалось, словно пушечный вы-
спрѣлъ, во время мѣлкой ружейной пере-
спрѣлки — началась репетиція. Уже умолкли
звуки моей флейшы—(чипашели припомятъ,
чпо я игралъ Молчалина)—Софья окончила
уже свою партію, и рѣзвая служанка, въ
предоспереженіе барышни, давно завела ку-
ранцы: а Фамусовъ еще не являлся.

— Чпо же, батюшка? спросила Глафира у отца своего.

Но батюшка заговорился, и позабылъ о роли. Однако онъ скоро опомнился, и понюхавъ пабаку, побѣжалъ за кулисы. Смѣло взошелъ Пепръ Андреичъ на сцену, съ удивительнымъ присушпвиемъ духа открылъ ротъ, и—остановился. Напрасно суфлеръ шепталъ ему реплику: Пепръ Андреичъ стоялъ неподвижно. Наконецъ, вѣроятно для большаго эффекта, онъ ударилъ себя по лбу ладонью, и поспѣшно сошелъ въ залу.

—Чпо съ тобою, душа моя? спросила испуганная Марья Васильевна.

—Вообразите, отвѣчалъ онъ; я и позабылъ, чпо въ хлопотахъ и пригошовленіяхъ не успѣлъ вышвердить роли.

—Прочитайте ее по шепради, оказалъ, смѣясь, Вашіаданъ; а впередъ будьте исправнѣе.

—Не могу, почтенный другъ; шеперь я не найдусь, смѣшанъ.

—Но кто же сегодня замѣнитъ васъ? спросили разомъ и Скалозубъ, и Загорѣцкой, и Репешиловъ, и прочіе актеры.—Спало быть, мы собрались понапрасну?

—Если вамъ угодно, Господа, сказалъ Вашіаданъ, шо, чпобъ не разстроитъ репеш-

ціи, я беру сегодня на себя и роль Чацкого и роль Фамусова: онъ обѣ мнѣ знакомы.

—Ахъ, благодѣтель мой! воскликнулъ Пётръ Андреичъ, и задушилъ было въ своихъ объятіяхъ услужливаго приятеля.

Многіе смѣялись надъ хвастливостію Вашадана, и не вѣрили тому, чѣмъ можно было сыграть вмѣстѣ столь противоположныя роли; но репетиція разрѣшила недоумѣнія: игра его превзошла самыя взыскательныя требованія. Вашаданъ обладалъ въ высочайшей степени искусствомъ измѣняясь по волѣ голосъ, фізіономію, приемы: и сіе искусство спановилось еще ощущительнѣе въ тѣхъ сценахъ, гдѣ Фамусовъ и Чацкій являючися вмѣстѣ. Зрители забывались и думали, что въ самомъ дѣлѣ видящъ двухъ различныхъ людей. Въ явленіи вѣселаго дѣйствія, когда слуга докладываетъ о приѣздѣ Скалозуба, сосредоточенная язвительность и хладнокровіе Чацкого, и между тѣмъ поспешенно возрастающіе жаръ и гнѣвъ Фамусова, который, заткнувъ уши, не хочетъ и слышать молодого вольнодумца, произвели такое дѣйствіе на восхищеннаго Петра Андреича, что онъ, забывшись, началъ махать платкомъ, и закричалъ Фамусову: да обернись—что за безполковой!

Сіи слова произвели общій смѣхъ, и на время опьянели зрители отъ чуднаго актера.

Однако въ слѣдующихъ сценахъ онъ умѣлъ снова обратити на себя одного ихъ вниманіе. Громкія, непритворныя рукоплесканія послѣдовали за Прошесемъ, когда въ концѣ комедіи, съ крикомъ: »карешу мнѣ, карешу!« — онъ выбѣжалъ въ среднія двери, и пройдя въ одно мгновеніе чрезъ кулису, очутился на мѣстѣ Фамусова передъ Софьей, вдругъ измѣнивъ лице, приемы, и голосомъ упрека, недоумѣнія и почти сквозь слезы произнесъ послѣдніе стихи, споль комически довершающіе сіе оригинальное произведеніе.

Во весь вечеръ чудный госпцъ Линдина былъ въ полной мѣрѣ героемъ и душою общесства. Не лзя было надивинься той свободѣ, съ какою онъ, какъ бы самъ того не примѣчая, перемѣнялъ обхожденіе, разговоръ съ каждымъ изъ собесѣдниковъ, умѣлъ примѣняться къ образу мыслей, къ привычкамъ, къ образованности каждаго, умѣлъ казаться веселымъ и любезнымъ съ дѣвушками, важнымъ и разсудительнымъ съ спариками, въшреннымъ съ молодежью, услужливымъ и внимательнымъ къ пожилымъ дамамъ. Къ концу вечера онъ получилъ двадцать одно приглашеніе; однако, по видимому, не желалъ умножать знакомствъ и уклонялся отъ зововъ, говоря, что ѣдетъ изъ Москвы немедленно послѣ предсавленія,

въ коемъ участвуешь лишь изъ дружбы къ
Пешру Андреичу, старому своему приятелю.

(продолженіе слѣдуетъ.)

IV.

Д У М Ы.

Тамъ были шумъ и разговоры,
И блескъ ума, и смѣхъ живой;
И юныхъ дѣвъ сіяли взоры
Свѣтлѣй, чѣмъ звѣзды въ тмѣ ночной;
И сладки рѣчи слухъ ласкали,
И былъ привѣтень блескъ очей:
Но думы бурныя ропшали
Во глубинѣ души моей.
»Проснись! проснись! Мы призываемъ
Тебя опъ сновъ, опъ грѣзъ пусныхъ.
Проснись! Мы гаснемъ, увядаемъ,
Любимцы лучшихъ дней пвоихъ.
Проснись! радость измѣняетъ;
И жизнь крапка, и хладенъ свѣтъ,
И не надолго утѣшаешь
Его обманчивый привѣтъ.
А мы безсмертными вѣнцами
Могли бъ главу пвою вѣнчать,
Могли бы яркими цвѣтами
Межъ лавровъ Руси разцвѣтать.
Мы крыльями тебя обнимемъ
И въ край Поэзіи свяшой
Твой духъ воспорженный поднимемъ.
Мечтами, пѣсню и мольбой.

Проснись! Тебя мы призываемъ
 Опъ смущныхъ сновъ, опъ грёзъ пуспыхъ.
 Проснись! Мы гаснемъ, увядаемъ,
 Любимцы лучшихъ дней швонхъ.»

Молчите, пламенные думы!
 Засните вновь на крашкй срокъ!
 Твердите напрасный мнѣ упрёкъ
 Вашъ голосъ спрогй и утрюмый.
 Меня не свяжешъ свѣтъ холодной;
 Наспанешъ вдохновенный часъ:
 И къ жизни звучной и свободной,
 Могуцй, вызову я васъ.

А. Хомяковъ.

V.

БРИССЕЛЬ И ВАТЕРЛОО

ОТГЫВОКЪ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ

Юль, 1828.

Кивренъ (*Quivrain*) граница и шаможня Нидерландовъ со стороны Франціи; насъ осмопрѣли здѣсь пщательно, но безъ придирокъ и совсесвозможною въжливоспью. Въ Нидерландскомъ Королевствѣ нѣтъ запрещенныхъ поваровъ; но нѣкоторые обложены большою пошлиною, копорую всегда можно заплапипъ при въѣздѣ: невинная шактика, такъ называемыхъ, покровительственныхъ тарифовъ. Въжливоспъ Бѣлгійцевъ напомнила намъ Французскую шаможню; и сравненіе вышло не въ пользу про-

свѣщеннѣйшей и вѣжливѣйшей націи въ свѣтѣ, какъ Французы сами себя величаютъ. Надобно прибавить, что, благодаря строгости Французскаго шарифа, нѣтъ въ свѣтѣ контробандистовъ искуснѣ Нидерландцевъ: они не только путешественниковъ, даже собакъ упопреляютъ въ сію должность. Остригутъ пуделя, обмашаютъ его Брабантскими кружевами, копорыхъ жаждетъ Парижская роскошь, и обшивъ другою шкурою, пускаютъ окольными дорогами черезъ границу.

Монсъ (*Mons*) большой городъ и сильно укрѣпленъ. Нидерланды въ сосѣдствѣ съ предприимчивой и безпокойной Франціей, не забывающей своей Рейнской границы, въ безпрестанной опасности потерять Бельгію, упопреляютъ всѣ мѣры осторожности для предупрежденія оной. Французскіе обычаи и сей языкъ въ Бельгіи умножаютъ трудности; и то и другое спараются вывести: недавно запретили ходъ Французскихъ денегъ—и границу прикрываютъ крѣпостями. Всѣ сіи предосторожности, — особенно крѣпостныя, мнѣ показались по крайней мѣрѣ излишними: ибо Бельгійцы съ распроспертыми объятіями примутъ Французовъ въ случаѣ нападенія. Они хорошо знаютъ свои выгоды и весьма понимаютъ, что го-

раздо лучше составлять часть обширной самоспоятельной Имперіи, чѣмъ половину слабаго разномароднаго и разнохарактернаго Королевства. Съ Французами Бельгійцы сходны обычаями, характеромъ; языкъ, религія у нихъ одинакія; выгоды промышленности и торговли влекутъ Бельгійцевъ къ богатой, роскошной Франціи. Во всѣхъ элихъ почкахъ Бельгійцы расходяпся съ Голландцами, имѣющими свой языкъ, протестантское вѣроисповѣданіе, умѣренной и скупой родъ жизни, и обычаи свои, коренные, почтенные, но совершенно отличные отъ народовъ прочей Европы. Нидерландское Королевство, определенное быть оплотомъ Сѣверной Германіи противъ Франціи, есть одно изъ несчастныхъ соображеній Вѣнскаго Конгресса и подернуто Гипократическимъ обликомъ, какъ большая часть того, что онъ сдѣлалъ. Для поддержанія сего насильственнаго созданія, народъ Бельгіи и Голландіи обязанъ содержать въ поппъ лица своего десятка полтора ненужныхъ крѣпостей и до ста тысячъ споль же для ихъ счастья бесполезнаго войска.

Благопріятная погода измѣнилась: небо обложилось тучами, какъ шерстяными одеялами; мѣлкій осенній дождь кропилъ цѣлый день; вѣшеръ дулъ сырой и холодный; дорога

грязная, кирпичные низенькіе домики деревень, обмытые дождевой водою казались опрятнѣе обыкновеннаго; между густыхъ темнозеленыхъ листвъ и каштановъ краснѣлъ песокъ садовыхъ дорожекъ; съ блестящихъ черепицъ капали крупныя капли; луга зеленѣли. На пѣсномъ горизонтѣ и на ровной поверхности еѣдѣли безчисленныя деревни и городокія колокольни; надъ частыми каналами тучи густѣли. Въ право отъ дороги цѣлымъ городомъ предспавились ломни каменнаго угля, покрытыя облаками чернаго дыма; сѣрный запахъ по окрестностямъ: я въ Голландіи и узналъ Рюисдаль.

Бриссель столица Бельгіи и одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ въ Европѣ. Спартыя улицы пѣсны и кривы; новыя части города отличаются правильностью и опрятностью. Нынѣшній Король много способствовалъ къ украшенію города; онъ любитъ проспоу древнихъ. Главная площадь четверугольная, продолговатая, обстроена прекрасными домами подъ одну фасаду; въѣзды въ кривыя улицы замаскированы красивыми порпиками; церковь, посрединѣ продолговатой фасады, прошивъ главной улицы, возвышается величественной колоннадой; внутренность совершенно въ Греческомъ древнемъ вкусѣ и

напоминаетъ языческой храмъ. Во время службы нарочно приспавленный чиновникъ спрого наблюдаетъ за благоговѣнiемъ и тишиною: мѣра, не свидѣтельствующая въ пользу набожности Бриссельцевъ.

Посрединѣ стараго города, подѣ горою, готическій Соборъ съ превосходными цвѣшными стеклами: внушительность величественнаго сразмѣрностью, смѣлостью сводовъ и легкостью многочисленныхъ колоннъ. Мало памятниковъ, почти безъ карпинъ и безъ золота; прослопа не признала католическимъ храмамъ. Церковь эта уступаетъ въ величiи Кельнской; легкостью архитектуры и богашествомъ ниже Прагской: совсѣмъ нѣтъ начинается однимъ изъ знаменитѣйшихъ памятниковъ готическаго зодчества въ Европѣ, нѣтъ болѣе, чѣмъ вполне достроена. Въ алтарѣ находился памятникъ съ бронзовымъ львомъ превосходной работы; не опыскавши надписи, я не могъ узнать, чей именно.

Дворецъ не великъ; снаружи и внутри очень простъ и даже бѣденъ—рѣдкая вещь въ Царскихъ чертогахъ! Кромѣ Рембрантовой Спарты съ мальчикомъ при свѣчкѣ и Голландскихъ Депушаповъ Ванъ-Дика, ничего нѣтъ замѣчательнаго. Нѣтъ прониой. Король велѣлъ пославить свой пронъ въ Парламентской залѣ, посреди народныхъ Депушаповъ. Общее

мнѣніе объ Королѣ то, что онъ прудомлю-
бивъ и дѣяпелень; соединяетъ съ твердоспю
характера обширный умъ и умѣренность,
приличную конспиуціонному Монарху; хо-
рошо поспигаетъ выгоды своихъ подданныхъ
и прудности своего положенія; не спѣсня-
етъ промышленности и порговли, хопя и
самъ поргуентъ — и свяшо хранишъ конспи-
туцію. Но сею послѣднею не довольны:
свободнаго обученія въ иноспранныхъ Уни-
верситетахъ, присяжныхъ, опредѣлительнаго
постановленія о свободѣ книгопечатанія, оп-
вѣспасности Министровъ, независимости
судебнаго класса, употребленія Французскаго
языка въ общественныхъ сношеніяхъ — пре-
буентъ Бельгія и пропустила конспиуцію.
Король частъ года обязанъ житъ въ Гагъ,
другую въ Бриссель.

Домъ народнаго собранія и великъ и хо-
рошъ; изъ дворца къ нему широкая аллея
черезъ городской паркъ — любимое гулянье
Бриссельцевъ. Лѣспницы мраморныя; въ ни-
шахъ спатуи: орденъ Коринѣскій. Камера де-
путатовъ полукруглая, съ куполомъ, свѣтъ
съ верху, украшена пиластрами. Скамейки
для 500 человекъ расположены амфитеатромъ;
каведры нѣтъ; ибо каждый Членъ говоритъ
съ своего мѣста, какъ въ Англіи. Для публи-
ки сдѣланы хоры, поставлены ложи для жур-

написовъ. По обѣимъ споронамъ прона сполупъ спуля для Принцевъ; Министры занимаютъ первыя скамейки безъ права, но по обычаю.

Въ залѣ вѣпорой камеры находящіяся двѣ большія каршины: одна представляетъ Вильгельма Нассавскаго, признаннаго опъ народа своимъ Спапгудеромъ; онъ являетъся возспановишелемъ республики и спасицелемъ Государства опъ ненависти Филиппа II. Другая, подъ именемъ сраженія при Вапёрлоо, ни сколько не изображаетъ побѣды. Раненный Принцъ, блѣдный окровавленный, падаетъ съ лошади; Ричмондъ съ сожалѣнiемъ и учаспiемъ его поддерживаетъ; свита придворныхъ смушила. Никто не обращаетъ вниманiя на изорванное знамя съ надписью: Iена, Аусперлицъ, Ваграмъ, которое примчалъ драгунъ, самъ удивленный своей добычею. Нѣсколько мертвыхъ и умирающихъ Бельгiйцевъ сполпанныхъ конскими копытами—и яроспный, уже облакомъ смерти покрыпый, Французъ довершаютъ картину—совсѣмъ не народную, еще менѣе Европейскую. Можно ли, вспомнивъ Вапёрлоо, оспановишъ свое вниманiе на какомънибудь часпномъ лицѣ или собыпiи? Безъ сомнѣнiя, многiе учаспники сей исполинской бипвы опличилиъ своими подвигами, увѣнчались славою и заслужили мѣсто въ Испо-

рин. Все это приносило имъ много чести и удовольствія; но ни который изъ нихъ, даже Веллингтонъ, герой дня, не могутъ замѣснить, въ воображеніи народовъ, пусионы, оставленной паденіемъ Наполеона. Онъ палъ съ шумомъ, какъ кедръ спольпный; бури и громы его сломили: но, падая, онъ прахомъ покрылъ весь предметы, его окружающіе. Его паденіе, равно какъ и возвышеніе, какъ чуждое, непоспѣжимо, не было дѣломъ рукъ человѣческихъ, но предопредѣленіемъ судьбы, избравшей его своимъ грознымъ орудіемъ гибели, страха и перевороповъ.

Въ Брисселѣ театръ; актеры посредственны и даютъ только небольшія пѣсы. Я видѣлъ нѣсколько водевилей оспрыхъ и забавныхъ, хотя не совсемъ благоприсойныхъ. Публика шумѣла и свиспала надъ пѣсами и актерами. Сидѣвшая возлѣ нашей ложи дама, узнавши, что мы Русскіе, завела съ нами разговоръ и спрашивала о многихъ офицерахъ Г. Вор. корпуса, споявшихъ въ ея деревнѣ. Изъ ея словъ мы съ удовольствіемъ заключили, что Русскихъ здѣсь и помнятъ и любятъ. Прусаки были воспламенены народной славной ненавистью и предавались неистовствамъ, которыхъ Русскіе не только себѣ не позволяли, но оспанавливали иногда и союзниковъ. Да и чѣмъ Русской солдапѣ не будетъ доволенъ!

ТЕЛЕСК. Ч. III.

13

Въ Брисселе много множество книжныхъ лавокъ и нѣсколько литературныхъ кабинетовъ : продавателей книгъ гораздо болѣе, нежели читателей. Книжная торговля одна изъ самыхъ значительныхъ для Бельгіи : всѣ извѣстныя или непозволенные сочиненія во Франціи здѣсь перепечатываются другимъ форматомъ и продаются гораздо дешевле, нежели въ Парижѣ. Ни правительство Французское, ни сами авторы не могли добиться суда и правды на сіе присвоеніе чужой собственности. Бриссель снабжаетъ Французскими книгами почти всю Германію и отчасти Россію. Другая причина неудовольствія Французскаго правительства на Бриссель та, что всѣ изгнанники 1815 года находятъ здѣсь убѣжище. Въ томъ числѣ Давидъ и Сіесъ. Бриссельскіе журналисты во всемъ подражаютъ Парижскимъ и сильно дѣйствуютъ на общее мнѣніе.

Скелетъ огромнаго кита занимаетъ любопытство жителей. Ему построили павильонъ, убранный литографическими изображеніями кита во всѣхъ видахъ. Я, какъ житель степей, не видавшій никогда китовъ ни живыхъ, ни мертвыхъ, пошелъ за полною. Масса длиною въ 90 футовъ, всѣ части цѣлы и связаны желѣзомъ. Между огромныхъ ребръ усажены человѣкъ : въ головѣ находишься сполъ

съ софою. Между головою и хвостомъ 58 позвонковъ, хвостъ въ 4 сажени шириною. Шейные позвонки подведены такъ, что китъ могъ поворачивать головою; особенностъ замѣчательная — ибо у обыкновенной породы китовъ этого не бываетъ. Хотя китъ живетъ въ водѣ, но его переспали почитаютъ рыбою. Объ этомъ былъ процессъ въ Англии и адвокатъ сего мнѣнія доказалъ: что онъ не мечетъ икры, кормитъ молокомъ дѣтей и одаренъ теплой красной кровью. Глядя на эту громаду, легко себѣ представивъ весь ужасъ сраженія съ симъ чудовищемъ въ хлябяхъ Океана, гдѣ онъ гуляетъ, какъ въ своемъ помѣстьѣ; или среди льдовъ полюса, куда онъ удаляется, какъ въ неприспугную пвердыню. Этого нашли мерпвымъ, плавающимъ по морю и жерпвою хищныхъ ппицъ; безъ бою причалили къ кормъ и привезли въ Ostende, гдѣ имъ овладѣли ученые — и шеперь, посредствомъ каналовъ возитъ его по всему Королевству. Одинъ изъ ученыхъ всегда при немъ. Не могу разсказать съ Брисселемъ, не сказавши слова объ его фоншанѣ съ бронзовымъ мальчикомъ, котораго величаютъ самымъ древнимъ гражданиномъ города, и котораго исцорія написана въ двухъ толстыхъ томахъ. Простанародное его имя: *Manekin-Pisse*.

ВАТЕРЛОО. Поле славное, на которомъ пога-

сла звезда Наполеона — описание Валпер-Скоппомъ, воспѣтое Байрономъ, посѣщаемое путешественниками всѣхъ народовъ — и питающее своимъ воспоминаніемъ инвалидовъ сей достославной битвы! Дорога къ нему идетъ по узкому шоссе черезъ болото и Суанійскій лѣсъ; по выходѣ изъ онаго сплелся обширная, легко взволнованная равнина. Вдоль по опушкѣ, на гребнѣ косогора шланется дорога изъ Невилля въ Вавръ: на ней расположена была въ двѣ линіи Англійская армія. Бриссельская дорога пересѣкаетъ Невильскую прямымъ угломъ. Въ тылу арміи были селенія Ватерлоо и Mont - St-Jean; передъ фронтомъ мызы Terre-la-Haie и Haie-Sainte; лѣвый флангъ прикрывался кустарникомъ и плетнемъ; правый упирался въ замокъ Гугомонъ, окруженный небольшою рощею. Трудно было, для сраженія, найдти мѣсто благопріятнѣе; съ утра до 8 часовъ вечера, Англійская армія, усиленная кареями, опражала многочисленныя колонны Французовъ, спремимыя Наполеономъ: но въ случаѣ побѣды, Французамъ опкрыта была репирода; а Веллингтонъ разбитый, имѣя за собою одну Бриссельскую дорогу, заваленную опсшалами и обозами, неминуемо бы потерялъ всю армію. Ночь была бурная; никто не ожидалъ сраженія: Англичане не думали, чтобъ Французы напали

на нихъ въ сиюль крѣпкой позиціи; Французы не воображали чпобъ Англичане осмѣлись ихъ дожидаться въ такой западнѣ. Говорящъ, что, съ первымъ лучемъ изъ за плучь встающаго солнца, Наполеонъ, увидѣвъ предъ собою блестящіе ряды Англійской арміи, гордо его ожидающей, съ воспоргомъ протянулъ къ ней руки и вскричалъ: «наконецъ вы мои!»—Быспропа и непреклонность Блюхера спасли Веллингтона; медленность, ошибка или пзмѣна Груши погубили Наполеона: опряженный съ 30 ти тысячнымъ корпусомъ преслѣдовавъ наканунѣ разбиую Прусскую армію, онъ умѣлъ не быть подъ Ватерлоо и пропустилъ Блюхера въ тылъ Французской арміи. Англичане спояли, какъ ушесы; Французы спремились, какъ разъяренныя волны: Веллингтонъ былъ героемъ сего славнаго дня! Твердый, хладнокровный, великодушный: въ упоеніи побѣды онъ оплакалъ пролиую кровь: «друзья мои, сказалъ онъ поздравлявшимъ его сподвижникамъ, послѣ безславнаго пораженія всего горестнѣе одержанная побѣда.»

Поле славы и смерти, покрытое въ день бишвы обильной жапвой, теперь не папущъ и не сѣюшъ... Почему? Земля, удобренная тукомъ и кровью людей, ушрашила свою произрастншелную силу? Напропивъ. Спра-

шинися ли плугъ земледѣльца полкнушь черепъ, раздробленный рукою чловѣка? Тыни храбрыхъ, въ таинственный часъ ночи, спрегупть ли свои безмолвные гробы? Или ревнивая слава, сей непоспшижимый призракъ, ослѣпляютъ народы, не шерпипть жипейскихъ заботъ? Ея мерцаніемъ озаряется сія горестная юдоль! Каждый шагъ на ней запечатлѣнъ кровью и воспоминаніемъ.

Церковь Mont-St-Jean наполнена надгробными мраморами: опцы, мапери, жены, сесптры, брапья, друзья, ихъ воздвигли и покрыли грустными надписями и слезами.

Памялники Гордона и Легіона Нѣмцевъ споятъ другъ прошивъ друга по обѣимъ споронамъ дороги.

Дерево, покрывавшее въ день сраженія свою сѣню Веллингтона, осыпанное Французскими пулями, оципанное Англинскими пулешеспвенниками, засохло.

На мѣспѣ, гдѣ сошлись обѣ союзныя арміи и обнялись два вождя - побѣдители, воздвигнута чугунная пирамида.

Здѣсь опрокинушы Белгійцы и раненъ ихъ храбрый Принцъ; у забора въ оврагъ испреблены два полка Французскихъ кирасировъ; на пѣсномъ дворикѣ la Haie Sainte нашли до 500 пруповъ.

Обсерваторія, съ копорой Наполеонъ обо-

зрѣвалъ орлинымъ взоромъ обѣ враждующія арміи, сломана.

Въ рыввинѣ, на Бриссельской дорогѣ, Императоръ свернулъ свою гвардію въ смертоносную колонну, воспламенилъ ее своимъ гениемъ—и, обманувъ друзей и враговъ, не пошелъ предъ нею. Гвардія не побѣдила и пала: Наполеонъ поблѣднѣлъ—и звѣзда его погасла.

Огромный курганъ и колоссальный чугунный левъ пославлены въ память сраженія: левъ уже покрылся ржавчиной; кромѣ года и числа—надписи никакой. И какой бы дерзкой человѣкъ могъ себѣ приписать паденіе Наполеона? Непоспѣжимая воля судьбы вознесла его; онъ былъ ознаменованъ ея клеймомъ: и желѣзная рука предопредѣленія его свергла. Его голосъ поселялъ шрепепъ и въ вождяхъ, и въ полкахъ; онъ подобно Ганнибалу заслужилъ гоненіе народовъ: и былъ львомъ сего ужаснаго дня!

Проводникъ предложилъ мнѣ мѣдныя пуговицы, изломанный пистолетъ и липографированную карпінку сраженія. Я заплашилъ просимое: волъ хлѣбъ поля Ваперлоо!

Я. Сабуровъ. 4

VI.

РУКОВОДСТВО КЪ АСТРОНОМІИ,

Д. М. ПЕРЕВОЩИКОВА,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

КРИТИКА.

Астрономія, какъ по достоинству своего предмета, такъ и по обработанности своихъ теорій, занимаетъ первое мѣсто въ ряду наукъ, относящихся къ Естествознанію. Возникшая у пастуховъ Ханаанскихъ, наука сія въ продолженіе многихъ тысячъ лѣтъ была постояннѣйшимъ предметомъ изслѣдованій величайшихъ гениевъ, и наконецъ послѣ различныхъ переворотовъ, послѣ безчисленныхъ трудовъ, вознесена нынѣ на такую высоту, до которой умъ человеческій не достигалъ еще въ другихъ наукахъ. Богатство наблюденій, изобиліе приѣмовъ вычисленія и усовершенствованное состояніе нынѣшняго анализа позволяютъ теперь представивши Астрономію въ стройной системѣ, въ которой единообразіе способовъ и связность цѣлаго соединялись бы съ обработанностію частей. Въ самомъ дѣлѣ, въ Германіи и Франціи появлялись уже замѣчательныя сочиненія, съ такою цѣлію написанныя; мы видѣли самаго Лапласа, показавшаго изложеніемъ системы міра, въ какомъ порядкѣ должно писать Астрономію. Но тогда, какъ иностранцы отличались на семь поприщъ, у насъ не выходило почти ни одного важнаго сочиненія по сей части; бѣдность наша такъ велика, что сочиненіе Гамалея и краткое руководство, изданное въ 1826 году Г. *Перевощиковымъ*, были

доселѣ единственными книгами, по которымъ можно было незнающимъ иностранныхъ языковъ надлежащимъ образомъ учиться Астрономіи а). Въ нынѣшнемъ году, наконецъ явилась у насъ книга, которая должна радовать не только любителей Астрономіи, но и вообще всѣхъ тѣхъ, которые дорожатъ просвѣщеніемъ и умѣютъ цѣнить труды истинно полезные и важные.

Г. Перевощиковъ, который своими сочиненіями и дѣятельностію приобрѣлъ уже извѣстность отличнаго ученаго, подъ скромнымъ названіемъ *Руководства къ Астрономіи* б), написалъ полный трактатъ сей науки, сообразный съ нынѣшнимъ состояніемъ Математики и показывающій, что онъ не только успѣлъ

а) Заключение сужденія Г. Астронома Тарханова о *Руководствѣ Г. Перевощикова*, утвержденное Конференціею Импер. Академіи наукъ, состояло въ слѣдующемъ: „должно
„ отдасть полную справедливость познаніямъ Г. Сочинителя
„ и искусству, съ которымъ избрана большая часть
„ формулъ. Онъ вообще легки для вывода и удобны для
„ вычисленія логарифмами. Принимая въ разсужденіе трудъ,
„ который Г. Перевощиковъ принялъ на себя при сочиненіи
„ сего руководства къ Астрономіи; искусство, съ
„ которымъ многія спашьи обработаны; пользу, которую
„ Россійское юношество можетъ почерпнуть изъ
„ сего сочиненія, особенно ежели при второмъ изданіи Г.
„ Сочинитель разпространитъ оное и дополнитъ недостающія
„ спашки — я починою необходимымъ долгомъ предсказать
„ конференціи Императорской Академіи наукъ, что
„ Г. Перевощиковъ своими трудами и ревностію къ пользе
„ аѣ учащихъ заслуживаетъ благодарность.“

б) Сіе руководство должно считаться совершенно новымъ сочиненіемъ какъ по плану, такъ и по приемамъ вычисленія: въ немъ помѣщены только нѣкоторые параграфы изъ руководства, изданнаго въ 1826 году.

воспользоваться трудами своих предшественников, но и многое усовершенствовать. Спрогая последовательность въ изложеніи и замѣчательная опдѣлка важѣйшихъ предметовъ суть оппичительныя черты сего сочиненія.

Есть при курса Астрономіи: Деламбра, Шуберта и Біота, которые признаны почти вездѣ классическими; и посему, чтобы судить о достоинствѣ разсмаприваемаго нами произведенія, мы должны прежде всего обратитъ вниманіе на сіи курсы, дабы показать, что уже было сдѣлано и что оставалось исполнить.

Сочиненія Деламбра, славѣйшаго изъ новѣйшихъ Астрономовъ, всегда будутъ занимательны для ученаго; тамъ можно найти извѣстѣйшіе способы и приемы вычисленія древнихъ и новыхъ Астрономовъ; тамъ означены малѣйшія даже подробности, которые могутъ быть полезны для наблюдателей; всѣ почти инструменты его времени описаны обстоятельно и употребленіе оныхъ объяснено. Сіи достоинства вмѣстѣ съ многочисленными изслѣдованіями самаго автора, драгоцѣнными для науки, оправдываютъ извѣстность, которою пользуются его сочиненія; однакожь онѣ не могутъ сдѣлать ихъ хорошимъ руководствомъ къ изученію Астрономіи; для сего нужна еще такая методъ, которая бы представлала различные предметы, науку соснавляющіе, въ очевидной связи и споль протъ, сколько сіе позволяетъ сущность предмета; но сего-то именно недостаетъ ни въ большемъ его практическомъ Астрономіи, ни въ сокращеніи онаго, назначасомъ для преподаванія, и которое мы имѣемъ преимущественно въ виду. Сіи книги суть магазины, въ коихъ находишся множество прекраснѣйшихъ предме-

шовъ , перемѣшанныхъ самымъ необыкновеннымъ образомъ. Одинъ изъ главнѣйшихъ ихъ недоспаниковъ соспониъ въ шомъ , что , излагая даже самыя мѣлочныя выкладки , авторъ иногда упускаетъ изъ виду первѣйше предметы Астрономіи и приходишь къ нимъ вовсе уже не умѣя. Такимъ образомъ предложена теорія абераціи послѣ изслѣдованій о вращательномъ движеніи, ошъ коихъ она вовсе не зависить; такимъ образомъ изложивъ всѣ явленія , кои могли бытъ необходимы для доказательства суточного движенія земли около своей оси, Деламбръ не приводитъ чипашеля къ сему заключенію и обращается къ нему, объяснивши уже эллиптическое движеніе солнца , не имѣющее съ онымъ ничего общаго. Говоря о фигурѣ земли, при концѣ своего сочиненія , авторъ заспавляетъ чипашеля или догадывался о семъ предметѣ, или не понималъ съ надлежащею ясностію многихъ явленій. Кромѣ сихъ общихъ недоспаниковъ методы , въ сочиненіи Деламбра не рѣдко обнаруживается запутанность въ численныхъ изслѣдованіяхъ. Можетъ ли бытъ что сложнѣе его вычисленій, относящихся къ теоріи паралаксовъ, абераціи, колебанія и опредѣленія орбиты кометъ? Чипашель шеряется въ этомъ океанѣ формулъ, изъ коихъ весьма многія не имѣютъ почти никакого употребленія въ Астрономіи. Полагая просноту пріемовъ въ элементарности вычислений , авторъ часто упоминаетъ длинными непрямыми выкладками, опускаетъ вовсе доказательства спротивныхъ формулъ а), и вообще не замѣтитъ не-

а) Деламбровы курсы Астрономіи суть : *Astronomie théorique et pratique* и *Abrégé d'Astronomie, ou leçons élémentaires d'Astronomie théorique et pratique.*

естественности и затруднительности употребляемыхъ имъ способвъ.

Шубертъ написалъ курсъ Астрономіи гораздо превосходнѣйшій, нежели Делабръ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ системѣ, и который служишь доказательствомъ отличныхъ дарованій и обширныхъ свѣдѣній сочинителя. Впрочемъ метода, имъ принятая, соединена еще съ нѣкоторыми недосмапками; самое раздѣленіе Астрономіи на сферическую и раціональную, есть жертва, принесенная имъ школьнымъ понятіямъ, по которымъ слѣдуетъ сперва представить *всѣ* явленія, относящіяся до видимаго движенія свѣтила небесныхъ, чтобы потомъ перейти къ движенію истинному. Это, можетъ быть, отчасти справедливо; но за чѣмъ раздѣлять явленія, тѣсно между собою связанныя, каковы напримѣръ нѣ, кои представляются намъ въ изслѣдованіяхъ о вращательномъ движеніи земли и фигурѣ оной? За чѣмъ безъ нужды отвлекать вниманіе читателя, оплагая выводъ заключеній тогда, когда уже извѣстны *всѣ* явленія, нужныя къ уразумѣнію оныхъ? За чѣмъ излагать науку такъ, чтобы находиться въ необходимости повторять нѣсколько разъ одно и тоже? Замѣтимъ еще, что это повтореніе не соединяется вовсе съ большимъ объясненіемъ предмета. Въ семъ отношеніи трактатъ Астрономіи *Г. Перовицкова* имѣетъ большее преимущество; не стѣсняясь схоластическими правилами, онъ вѣрнымъ, но смѣлымъ шагомъ идетъ въ изслѣдованіе явленій; никогда не упускаетъ случая указывать читателю на важнѣйшіе результаты астрономическихъ изысканій, какъ скоро изложено довольно явленій, служащихъ имъ основаніемъ, и тѣмъ дѣлаетъ сочиненіе свое болѣе занимательнымъ и болѣе связнымъ.

Шубертъ уже при самомъ почти концѣ сферической Астрономіи приводитъ заключенія о фигурѣ земли; но легко замѣтить, сколь это не сообразно съ естественнымъ ходомъ явленій. Въ теоріи параллаксъ не всегда видимъ у Шуберта изыщесиво анализа; пѣкопорыя изъ приводимыхъ формулъ вообще неупотребительны и авторъ не объясняетъ съ должною подробностію способовъ, помощію которыхъ опредѣляются параллаксы изъ наблюдений.

Послѣ параллаксъ слѣдуетъ у него теорія астрономическаго преломленія; она вообще имѣетъ два главные предмета: а) выраженіе закона, которымъ связаны между собою высоты звѣздъ и ихъ преломленія; б) опредѣленіе дѣйствительной величины преломленія. Последний изъ сихъ вопросовъ долженъ быть рѣшенъ помощію непосредственныхъ наблюдений; первый же допускаетъ изслѣдованія теоретическія, которыхъ послѣ трудовъ Лапласа ничего не оставляютъ болѣе желать. Но простиѣе рѣшеніе онаго вопроса производится на основаніи предположенія Кассини, по которому считаютъ, что атмосфера имѣетъ вездѣ среднюю постоянную плотность. Сіе предположеніе, могущее довести до справедливыхъ результатовъ, какъ мы по ниже увидимъ, оказывается у Шуберта крайне недостаточнымъ: причиною сему служатъ неудачные его приемы вычисленій. Чтобы вывести формулы Симсона и Брадлея, онъ принужденнымъ находится прибѣгнуть къ чистой гипотезѣ и допустить, что лучи свѣта, проходя атмосферу, притягиваются безпрестанно воздушными слоями. На сію гипотезу должно смотрѣть не иначе, какъ на приемъ вычисленія и припомъ не весьма удачный: ибо какъ въ Физикѣ, такъ и въ Астрономіи, надобно какъ можно болѣе избѣ-

гати выкладки, основывающихся единственно на гипотетических заключеніяхъ и могущихъ придавать видъ существенности и истины ложнымъ положеніямъ.

Въ рациональной Астрономіи, Шубертъ находится принужденнымъ снова пересказывать то, о чемъ онъ уже говорилъ въ Астрономіи сферической; но спрашно покажется то, что объ нѣкоторыхъ явленіяхъ, весьма замѣчательныхъ, онъ нигдѣ не представляетъ строгихъ и точныхъ заключеній. Такимъ образомъ его разсмотрѣніе предваренія равноденствій очень неудовлетворительно: онъ упускаетъ изъ виду важное событіе, что плоскость эклиптики измѣняется, хотя и медленно, свое положеніе въ пространствѣ, и что слѣдовательно движеніе экватора по эклиптикѣ, отъ котораго зависитъ предвареніе равноденствій, происходитъ на плоскости не неподвижной. Отъ сего точки равноденствій получаютъ движеніе, не зависящее отъ причины, производящей предваренія, и при томъ прямое, тогда какъ предвареніе равноденствій совершается движеніемъ обратнымъ, такъ что отступленіе точекъ равноденствія, выводимое изъ наблюдений, есть явленіе сложное, зависящее отъ двухъ различныхъ причинъ, кои должны быть въ совокупности разсматриваемы, если пожелаемъ достигнуть до строгихъ результатовъ; иначе вліянія второстепенныя могутъ по истеченіи значительнаго времени сдѣлать ихъ весьма неточными.

Нѣкоторыя явленія разобраны совершенно несправедливо; такъ напримѣръ объясненія зодіакальнаго свѣта, вѣроятною причиною котораго, по мнѣнію Шуберта, —служитъ солнечная атмосфера, никакъ

допустить нельзя : ибо, принявши въ уваженіе форму, которую принимаетъ зодіакальный свѣтъ, Лапласъ доказалъ а), что сіе явленіе опъ таковой причины зависѣть не можетъ, тѣмъ болѣе, что самое существованіе солнечной атмосферы весьма сомнительно ; припомъ объясненіе зодіакальнаго свѣта не должно даже входить въ Астрономію, принадлежа собиственно Физикѣ. Будучи не полонъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, курсъ Шуберта иногда поражаетъ чипанеля длинными и тяжелыми выкладками, не имѣющими никакой важности для новѣйшей Астрономіи. Таково подробное изложеніе способовъ, какъ Египтяне, Пшоломей и Тиго-де-Браге, опредѣляли движеніе планетъ : таково объясненіе неравенствъ луны посредствомъ движенія центра ея орбиты по эпицикламъ ; объясненіе сбиивчивое и которое при нынѣшнемъ состояніи науки должно быть оставлено : это сущъ только отвѣченія ; въ самомъ же дѣлѣ шѣла небесныя, а не другое чію, выводятся изъ предѣловъ описываемыхъ ими орбитъ.

Въ изслѣдованіяхъ о лунѣ можно замѣтить, что способъ, принятый Шубертомъ для опредѣленія солнечныхъ затмѣній, соотвѣствующихъ какому нибудь мѣспу, весьма не хорошъ : основываясь частію на спроешяхъ и черченіи, коихъ точность всегда ограничена, частію же на вычисленіяхъ, служащихъ имъ нѣкоторымъ образомъ поправкою, онъ, кромѣ сложности, ничего не представляетъ. Мы увѣрены, что правильное членіе покажетъ, можетъ быть, еще важнѣй-

a) См. Exposition du système du monde.

тіе недостатки ; но мы скажемъ, что Шубертъ, слѣдуя во многихъ своихъ изслѣдованіяхъ стариннымъ методамъ и прибѣгая къ вычисленіямъ, въ коихъ часто не замѣтно ни проскопы, ни изыщества, дѣлаетъ книгу свою не вездѣ удобною для чтенія. Если сверхъ того обратимъ вниманіе на неудовлетворительность нѣкоторыхъ разборовъ, то не можемъ не заключить, что Шубертъ многое предоставилъ докончить будущимъ ученымъ а).

Мы скажемъ не много словъ о сочиненіи Біопа : *Traité élémentaire d'Astronomie Physique*. Хотя оно написано для употребленія во впороспепенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, однако сдѣлалось занимательнымъ и для астронома по замѣчательному изыществу способовъ, которыми онъ разрѣшаетъ различные предметы Астрономіи, и прекрасной методъ изложенія. Его изслѣдованія о вращательномъ движеніи свѣтилъ небесныхъ, Сатурновомъ кольцѣ, прохожденіи Венеры черезъ солнце, поступательномъ движеніи солнечной системы и о множествѣ другихъ явленій, могутъ почтѣться образцовыми не токмо для книгъ, назначаемыхъ для руководства учащихся, но и для употребленія ученыхъ.

По симъ причинамъ сочиненіе Біопа служило важнѣйшимъ пособіемъ Г. *Перевощикову* ; но цѣль, съ кою оно написано, дѣлаетъ его недостаточнымъ во многихъ отношеніяхъ : главнѣйшія формулы Астрономическаго преломленія не раскрыты ; уравненія ,

а) Важнѣйшее Шубертово сочиненіе есть : *Traité d'Astronomie théorique* въ трехъ томахъ in-4° ; послѣдній томъ посвященъ Физической Астрономіи.

опредѣляющія эллиптическое движеніе солнца, луны и вообще планетъ, предлагаются безъ всякихъ доказательствъ ; способа же опредѣлять элементы новыхъ планетъ совершенно не достаесть ; теорія Юпитеровыхъ спутниковъ слишкомъ сжата , такъ что все почти вычисленія опущены, и вообще память итъ многихъ такихъ подробностей , кои могли быть занимательны для Астронома и весьма важны для шѣхъ , кои имѣютъ намѣреніе пріобрѣсти полное и точное понятіе объ Астрономическихъ теоріяхъ. Самое расположеніе сочиненія , въ слѣдствіе котораго объясненіе явленій всегда почти отдѣлено отъ вычисленій, къ нему относящихся , дѣлаесть чтеніе сего курса неудобнымъ для шѣхъ , которые имѣютъ достаточныя познанія въ Математику.

Такимъ образомъ въ курсахъ , справедливо заслуживающихъ вниманіе ученыхъ , находятся еще многіе недостатки. Въ нынѣшнее время науки скорыми шагами подвигаются впередъ , и по естественному ходу вещей, книги, которыя лѣтъ пятнадцать назадъ были хороши, дѣлаются теперь неудовлетворительными. Нельзя было не желать сочиненія, которое, объясняя все теоріи и обнимая разнообразныя изысканія, представляло бы науку полною и цѣлою. Сему требованію совершенно удовлетворяесть разсматриваемая нами книга. Итъ науки , гдѣ бы метода была столь необходима, какъ въ Астрономіи. Чтобы безошибочно вывести заключенія изъ наблюденій , должно предсказать ихъ во всей полношѣ: показать время, когда они были совершены, и способъ, по которому производились ; изложить явленія въ такой связи, въ которой онѣ дѣйствительно находятся въ природѣ, и припомъсть такую послѣдовательность, чтобы разсматри-

Телеск. Ч. III.

11

ваніе одного явленія раждало въ насъ мысль о другомъ, опъ котораго оно зависить. Посему разбирая сочиненіе *Г. Перовощикова*, мы должны прежде всего обратити вниманіе на его методу и показати ходъ, которому онъ слѣдовалъ при изложеніи всѣхъ изслѣдованій, принадлежащихъ Астрономіи.

Супочное движеніе небеснаго свода есть первое и разительнѣйшее изъ всѣхъ явленій, какія только представляются взорамъ наблюдателя: великолѣпныя картины восхожденій и захожденій солнца, разсматриваніе постепенныхъ возвышеній или пониженій надъ горизонтомъ звѣздъ, по мѣрѣ приближенія къ полюсамъ, приводить насъ къ заключенію о шаровидности земли; и это составляетъ первый результатъ, до котораго достигается нашъ авторъ: безъ него нельзя съ удобностію воображать круговъ на сферѣ небесной и опредѣленіе мѣстъ на земной поверхности дѣлается непонятнымъ для учащагося. Послѣ сего авторъ даетъ первыя понятія о склоненіяхъ и прямыхъ возхожденіяхъ, о высотахъ и азимутахъ; и поелику перемѣна мѣста наблюдателя сопровождается для него перемѣною видимаго положенія свѣтилъ, то, дабы вывести опредѣленные заключения о мѣстахъ свѣтилъ на сферѣ небесной, авторъ естественно приходитъ къ теоріи параллаксъ. Онъ излагаетъ потомъ Астрономическую теорію преломленія, какъ необходимую для доставленія надлежащей точности наблюденій и заключеній, на нихъ основывающимся. Съ сими запасомъ свѣдѣній можно уже производить дальнѣйшія изслѣдованія. Разсмотрѣніе всѣхъ свойствъ супочнаго движенія прежде всего обращаетъ на себя вниманіе. Изслѣдывая потомъ сущность его, авторъ, заключеніями о неувѣроятной скорости звѣздъ, заслав-

Легко насъ усомнишься въ действительности суточного движенія небеснаго свода. Допустивъ обращеніе земли около ея оси, онъ долженъ былъ разсмотрѣть: имѣетъ ли оно вліяніе на фигуру земли и на скорость паденія пыли. Такимъ образомъ авторъ обращается къ изслѣдованіямъ о видѣ, величинѣ и плоскости земли, гдѣ онъ приводитъ любопытныя наблюденія надъ длиною маятника, произведенныя Капитаномъ Фрейсине и показывающія, что сжатіе земли болѣе того, какое получено изъ непосредственныхъ измѣреній градусовъ меридіана и вычисленій Лапласа, что нѣтъ причины полагать южную часть земли оплочною опъ сѣверной, какъ показали было изслѣдованія Лакаля, и что во многихъ справахъ мѣстные обстоятельства производятъ перемѣну въ качаніяхъ маятника, (проспирающуюся въ Илдефрансѣ до $14''$ въ сутки). Глава о фигурѣ земли есть одна изъ обработаннѣйшихъ въ Астрономіи Г. Перевощикова. Общее заключеніе оной состоитъ въ томъ, что земля въ строгомъ оппошеніи есть неправильное тѣло, въ приближенномъ же эллипсоидѣ, сжатый при полюсахъ, и коего сжатіе есть $\frac{1}{309}$. Далѣе авторъ разсматриваетъ явленія, зависящія опъ фигуры земли и суточного движенія. Здѣсь онъ даетъ понятіе о различныхъ родахъ сутокъ и о раздѣленіи оныхъ; показываетъ, какимъ образомъ находится положеніе полуденной линіи; какъ опредѣляются склоненія и прямыя восхожденія свѣтила, широты и долготы на земной поверхности, и научаетъ вычислять истинный часъ, посредствомъ средняго звѣзднаго, и на оборотъ, опредѣлять прохожденіе свѣтила черезъ меридіанъ, ихъ восхожденія и захожденія. Вообще объ измѣреніи времени, важнѣйшемъ предметѣ Астрономіи, авторъ говоритъ въ разныхъ

мѣстахъ своего сочиненія, по мѣрѣ того, какъ развивается рядъ явленій, приводящихъ его къ разсмотрѣнію сего предмета.

Далѣе, авторъ приступаетъ къ изслѣдованіямъ, относящимся до поступательнаго движенія. описать небесныхъ, и начинается съ солнца: ибо кромѣ того, что оно главное тѣло въ солнечной системѣ и видимое его движеніе зависитъ отъ движенія земли, наблюденія показываютъ, что другія свѣтила вездѣ слѣдуютъ за нимъ, описывая вокругъ него прямыя или обратныя движенія дуги различной величины. Обо всѣхъ предметахъ, касающихся до теоріи солнца, подробнѣе мы будемъ говорить ниже, рассматривая способы и приемы вычисленій, употребляемые *Г. Персеициковичемъ*, а теперь покажемъ только связь различныхъ его изысканій. Прежде всего авторъ разбираетъ наблюденія надъ наибольшими и наименьшими склоненіями солнца, и чрезъ то опредѣляетъ точку пересѣченія эклиптики съ экваторомъ и положеніе первой въ разсужденіи сего послѣдняго; здѣсь ежегодная періодичность явленій приводитъ его къ точнымъ заключеніямъ о величинѣ пропическаго года и достовѣрствахъ Юліанскаго и Григоріанскаго календарей. Сопоставляя попомъ законы Механики съ относительными величинами земли и солнца и всѣми общодѣйствующими движенія сего послѣдняго, онъ достигаетъ къ заключенію, что движеніе солнца есть только видимое, въ самомъ же дѣлѣ земля въ теченіе одного года, описываетъ вокругъ него плоскую кривую линію, которую при первомъ приближеніи можно принимать кругомъ. Теоріи годичныхъ паралаксовъ и аберрацій излагаются здѣсь, какъ подтверждающія справедливость сего вывода и служащія необходимыми слѣдствіями

онаго. Исследованиями о переменнахъ въ положеніи земной орбиты и объ эллиптическомъ движеніи земли авторъ заключаетъ полную теорію поступательнаго ея движенія!

Послѣ сего естественнo было автору обратиться къ планетамъ, кои какъ по виду своему, такъ и законамъ движенія, имѣютъ величайшее сходство съ землею. Здѣсь великія открытія Кеплера составляютъ три основныя для автора положенія, а выраженіе законовъ движенія планетъ, и опредѣленіе положенія и фигуры ихъ орбитъ — главный предметъ его изысканій. Отъ сихъ плѣлъ авторъ перешелъ къ ихъ спутникамъ: всѣ онѣ имѣютъ шарообразную фигуру, заимствуютъ свѣтъ свой отъ солнца, подобно планетамъ; но движеніе ихъ окружено множественнoмъ неравенствъ, болѣе значительныхъ, нежели планетныя возмущенія. Авторъ преимущественно останавливается на лунѣ, ближайшемъ отъ насъ свѣтилѣ, имѣющемъ большое вліяніе на любопытнѣйшія для насъ явленія, и на теоріи Юпитеровыхъ спутниковъ, кошорая по обработанности своей и важности для опредѣленія длины мѣсяцъ должна быть представлена подробно. Изложеніе теоріи затмѣній вообще, гдѣ онъ разбираетъ затмѣнія лунныя, солнечныя и Юпитеровыхъ спутниковъ, покрытіе звездъ луною и прохожденіе планетъ (преимущественно Венера) черезъ солнце; теоріи вращательнаго движенія планетъ на ихъ осяхъ и Сатурнова кольца, гдѣ онъ опредѣляетъ его фигуру, появленія и скрытіе, наклоненіе плоскости его къ эклиптикѣ и положеніе точекъ (узловъ) ихъ пересѣченія — заключаетъ наконецъ общую теорію планетъ и ихъ спутниковъ.

Авторъ оканчиваєть свое сочиненіе изслѣдованіями о кометахъ, гдѣ предложены вычисленія кометныхъ параболическихъ орбитъ, и о неподвижныхъ звѣздахъ, гдѣ, сообразивши всѣ изысканія Астрономическія, онъ приводитъ читателя къ самымъ высокимъ заключеніямъ объ устройствѣ вселенной. Предоставляемъ теперь особамъ, свѣдущимъ въ Астрономіи, судить о достоинствѣхъ принятой *Г. Перовицкова* мѣтоды. Соблюденіе связности въ изложеніи разнообразнѣйшихъ изысканій есть дѣло столь же трудное для автора, сколько выгодное для его читателей. Намъ кажется, что *Г. Перовицковъ* исполнилъ его весьма удачно: ибо ходъ его мыслей оправдывается естественнымъ ходомъ явленій и логическою послѣдовательностію. По крайней мѣрѣ можно смѣло сказать, что въ семъ отношеніи курсъ, нами разсматриваемый, имѣетъ рѣшительное превосходство надъ курсами Деламбра и Шуберша, кои почитаются ученѣйшими практическими Астрономіи. Показавши такимъ образомъ сочиненіе *Г. Перовицкова* въ цѣломъ, разсмотримъ, до какой степени оно обработано въ частяхъ.

Въ семъ отношеніи главнѣйшее достоинство сего сочиненія есть рѣдкое однообразіе въ способахъ и приемахъ вычисленій. Въ теоріи параллаксевъ, въ теоріи абберраціи, въ теоріи планетъ и спутниковъ, въ изслѣдованіяхъ о вращательномъ движеніи свѣтила и Сатурноваго кольца, вездѣ вы встрѣчаете одинаковые приемы. Они измѣняются въ различныхъ приложеніяхъ, сообразно съ свойствами вопросовъ; но въ сущности опираются тѣми же. Воспользовавшись всеми пособіями новѣйшаго анализа, авторъ нашелъ такимъ образомъ возможность достигнуть той всеобщности въ разсмотрѣніяхъ, которая сближаетъ

разнороднѣйшія теоріи и вмѣстѣ съ строгоспію въ вычисленіяхъ и общеплывоспію въ заключеніяхъ, удобно знакомятъ читателей съ духомъ изслѣдованій и открьпій.

Упопребленіе Сферической Тригонометріи ограничивается авторъ способами, кои съ успѣхомъ могутъ замѣняя въ выкладки нѣкоторыхъ изъ ея сложныхъ формулъ. Извѣстно, что всѣ свѣтила колеблются около средняго своего мѣста, описывая отъ оптическихъ и физическихъ причинъ вокругъ него дуги или полныя окружности. Вмѣсто разсматриванія безчисленнаго множества сферическихъ прямоугольниковъ и сопавленія изъ оныхъ уравненій, показывающихъ истинное положеніе свѣтила, онъ выбралъ для сего путь кратчайшій. Вообразивши при прямоугольныя оси координатъ, изъ коихъ двѣ находятся въ извѣстной какой нибудь плоскости и имѣютъ опредѣленное въ ней направленіе, а третья къ оной плоскости перпендикулярна, онъ выражаетъ разстоянія свѣтила отъ сихъ трехъ осей, и подчиняя вычисленіе сихъ разстояній условіямъ задачи, онъ находитъ различныя ихъ измѣненія и слѣдовательно перемѣны въ самомъ положеніи свѣтила, чрезъ сравненіе которыхъ объясняется дѣйствительность или только видимость какого нибудъ движенія и доставляется способъ съ точностію опредѣлять положеніе свѣтила въ каждую минуту времени. Въ сихъ вычисленіяхъ Г. Перовицковъ старался достигнуть возможной простоты, которую полагаетъ, не въ элементарности приемовъ, но въ естественности выводовъ и хода вычисленія, въ избѣжаніи сложности въ формулахъ и въ удобномъ для практическаго употребленія выраженіи оныхъ: — эта простота есть соб-

співенно то, що Математики називають изящеспвомъ. Сн доспюиспва особливо замъчателнымъ въ теоріи аберацій; гдъ извъспны формулы выведены авторомъ, помощію способовъ, собспвенно ему принадлежащихъ и опспчающихъ яснопію и удовлеспворительнопію.

Изспдованія свон объ Аспрономическомъ преломленіи авторъ основываепъ на предположеніи Кассини. Конечно для спрогого вычисленія должно бы согласн съ Лапасомъ предспавить себъ, що аспмосфера раздълена на безконечное множеспво попчайспхъ слоевъ, имъющихъ различныя плотнопсіи, и попомъ найсп сумму или интегральъ всъхъ малъішихъ преломленій; но предположеніе Кассини можепъ довеспи почсп до совершенно почныхъ резульспатовъ, какъ то показываепъ авторъ, выводъ на основаніи онаго формулу Симсона, и, помощію проспгаго преобразованія оной, формулу Брадлея. Кпо знаетъ Шуберповъ способъ находить сн же самыя уравненія, помъ не можепъ не опдасть преимущеспва пріемамъ *Г. Перевощикова*. Авторъ идетъ далъе; примъняя удобнo соспавленную имъ формулу для вычисленія весьма малыхъ угловъ, онъ разлагаепъ формулу Симсонову въ рядъ, сходный съ рядомъ Лапаса, полученнымъ изъ спрожайшей теоріи; однакожъ онъ нъсколько опспчается опъ него величиною поспояныхъ коэффиціепсовъ, при членахъ находящихъся.

Мы выше замъспли, сколь не удовлеспворительнo Шуберпово изспдованіе предваренія равнoденспвій. Замъчаніе сие не упущено *Г. Перевощиковымъ*, и читатели будутъ ему очень благодарны за краптіій, но почный разборъ сего важнаго явленія. Въ свонхъ вычисленіяхъ онъ сохранилъ Лапасовы числа, и хопя

большая часть изъ новѣйшихъ Астрономовъ употребляютъ Бесселевы; но, будучи сложнѣе уравненій Лапласа, вообще формулы Бесселя имѣютъ почти одинакую съ ними точность а).

Въ изслѣдованіяхъ объ эллиптическомъ движеніи земли Г. Перевощиковъ вообще держался Лапласа; по слѣдуя его способамъ, онъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія, кои облегчаютъ выводъ точныхъ формулъ, опредѣляющихъ радіусъ векторъ земной орбиты, и истинную аномалію, посредствомъ средней, всегда извѣстной Астроному. Сія формулы составляютъ ряды, простирающіеся въ безконечность; но они весьма сходящи и потому опредѣляютъ положеніе земли съ желаемою точностію. Вообще вычисленія, къ сему предмету относящіеся, изложены очень ясно. Любопытнѣйшее приложение предъидущей теоріи, представленное съ подробностію, состоитъ въ опредѣленіи эксцентрициитета земной орбиты посредствомъ наибольшаго уравненія центра; чрезъ сей пріемъ оный элементъ опредѣляется гораздо точнѣе, нежели помощію непосредственныхъ измѣреній діаметровъ солнца, сопровождающихся неизбѣжными погрѣшностями и почти совершенно не имѣющихъ никакого приложенія къ планетамъ, коихъ видимые діаметры вообще еще чрезвычайно малы.

Всѣ сіи изслѣдованія относятся къ планетамъ; ибо сама земля принадлежитъ къ числу оныхъ; но вопросъ объ опредѣленіи мѣста сихъ планъ въ каждое данное время дѣлается гораздо сложнѣе. Для сего надлежитъ во первыхъ узнать наклоненіе планетной орбиты къ эклиптикѣ и опредѣлить линію ихъ узловъ,

а) См. Магази́нъ Естественной Исторіи на 1839 годъ.

и попомогъ, чтобы судить, къ какому роду кривыхъ принадлежить орбита, должно вывести изъ наблюдений *угловое движеніе* планеты около солнца, величину полного ея оборота вокругъ сего светила, и показанъ измѣненія въ разстояніи планеты отъ солнца. Различные вопросы сіи могутъ разрѣшаться многими приемами; но приемы Біона, которыхъ держится Г. *Перевощиковъ*, суть самыя простѣйшія. Впрочемъ они дѣлаются неудовлетворительными для Урана, по причинъ его медленнаго движенія, и новыхъ четырехъ планетъ, по причинъ трудности наблюдений и значительной величины ихъ эксцентриситетовъ и наклоненій. Посему нужно было показанъ, какъ по шремъ какимъ либо наблюденіямъ, надъ планетою произведеннымъ, опредѣлится ея орбита, какова бы ни было ея наклоненіе. Способъ Гаусса, предложенный съ сею цѣлю въ его превосходномъ сочиненіи: *Theoria motuum corporum coelestium*, по своей изысканности и точности сдѣлался употребительнымъ способомъ всѣхъ Астрономовъ, и должно сказать, что Г. *Перевощиковъ* изложилъ его съ большею ясностію и простотою, нежели она изложена въ упомянутомъ твореніи Гаусса и въ Астрономіи Шуберга.

Въ теоріи луны особенно замѣчательнъ способъ опредѣлять горизонтальный ея параллаксъ. Обыкновенный способъ сопряженъ со многими неудобствами, требуя двухъ современныхъ наблюдений въ разныхъ мѣстахъ земной поверхности. Дабы унизити сіи неудобства, Деламбръ предложилъ формулу, по которой можно вычислять горизонтальный параллаксъ съ помощію только наблюдений, производимыхъ въ одномъ мѣстѣ и однимъ наблюдателемъ; и Шубернъ далъ строгое доказательство сей формулы въ своемъ боль-

темъ пракпанъ Астрономіи; но его вычисленія не имѣють споли еспественнаго хода, какой бы можно было желать, и это заставило *Г. Перевощикова* избрать другой пунъ для составленія оной формулы. Оспроумное употребленіе Тайлоровой теоремы приводитъ его проспѣйшимъ образомъ къ Делаμβрову уравненію.

Въ теоріи Юпитеровыхъ спутниковъ напѣ авторъ слѣдуетъ большею частію Шуберту и Деламбу, и никогда не упускаетъ случая избѣгать сложности въ вычисленіяхъ. Такимъ образомъ время періодическаго обращенія спутниковъ и неравенства ихъ движенія, зависяще частію отъ скорости свѣта и возмущеній планетъ, частію же отъ ихъ опносительнаго положенія между собою, и опредѣленіе положенія орбитъ спутниковъ, изслѣдованы, хотя кратко, но весьма удовлетворительно. Въ любопытныхъ главахъ о затмѣніяхъ вообще, Сатурновомъ кольцѣ и вращательномъ движеніи солнца, авторъ преимущественно руководствуется Бютомъ и по справедливости предпочитаетъ его методы другимъ извѣстнымъ приемамъ. Изысканія о вращательномъ движеніи луны производятся такимъ же образомъ, какъ и опредѣленіе различныхъ обсподельствъ вращенія солнца: поему авторъ ограничивается опносительно сего предмета нѣкоторыми замѣчаніями. Жаль только, что онъ не упоминаетъ о двухъ весьма важныхъ явленіяхъ: неизмѣнимости наклоненія оси вращенія луны къ эклиптикѣ и послѣдующемъ совпаденіи узловъ луннаго экватора съ узлами ея орбиты. Открытія Д. Касини, онъ были подтверждены наблюденіями Т. Майера и Лаланда, и служатъ любопытнымъ дополненіемъ къ Астрономической теоріи луны,

пѣтъ болѣе замѣчательнымъ, что онѣ составляютъ основаніе для объясненія различныхъ обстоятельствъ вращательнаго движенія луны.

Послѣ теоріи планетъ и спутниковъ авторъ приступаетъ къ кометамъ. Сін пѣла, считавшіяся некогда случайными явленіями въ атмосферѣ и спранными предвспіниками несчастій, суть въ самомъ дѣлѣ свѣтила, кои подобно планетамъ подчинены въ движеніи Кеплеровымъ законамъ и описываютъ вокругъ солнца параболы, или чрезвычайно разтяженные эллипсы, концы наклоненія къ эклиптикѣ весьма разнообразны. Наружный видъ ихъ по своей необыкновенности всегда обращалъ на себя вниманіе Физиковъ и Астрономовъ. Такимъ образомъ для изъясненія образованія хвостовъ кометныхъ были придуманы многія предположенія; но Авторъ предпочиняетъ мнѣніе Доктора Лемана всѣмъ гипотезамъ: ибо оно весьма оспроумно объясняетъ всѣ почти обстоятельства, представляемыя хвостами кометъ. Вѣроуно, что сін хвосты зависають отъ атмосферы, окружающей ядро (ноуа); но замѣчательно то, что не всѣ кометы ихъ имѣють: нѣкоторыя являюся какъ бѣловатые пятна, даже и въ ближайшемъ разстояніи отъ солнца. Таковыя кометы могутъ, подобно планетамъ, обращаться къ солнцу попеременно всѣми сторонами своей поверхности; пѣ же, кои сопровождаются полосами весьма слабо свѣтящейся и рѣдкой матеріи, называемыми хвостами, и обыкновенно противоположными солнцу, необходимо должны, также какъ спутники, представлять солнцу всегда одну и ту же сторону; ибо въ противномъ случаѣ части кометной атмосферы, разпространившіеся гораздо болѣе на одной сторонѣ, именно противоположной солнцу, пере-

мѣщались бы непосредственно чрезъ круговращеніе. Леманъ объясняетъ образованіе кометныхъ хвостовъ предполагая, что «дѣйствіе солнечной теплоты производитъ сильное испареніе на поверхности кометы, если она находится въ близкомъ разстояніи отъ солнца; и такимъ образомъ образуетъ атмосферу, проспирающуюся весьма далеко отъ ядра. Ясно, что части кометной атмосферы, находящіяся на опшоронѣ, противоположной солнцу, будучи далѣе отъ сего свѣтила, припигиваются онымъ слабѣе, нежели ядро, и по мѣрѣ приближенія кометы къ солнцу, сія разниа въ дѣйствованіи его спановиися ощушительнѣе; сила разширенія кометной атмосферы, какъ и всѣхъ воздухообразныхъ веществъ, будетъ посему увеличиваться болѣе и болѣе, и наконецъ превзойдетъ пггопгтнѣе къ ядру; тогда части атмосферы, пропигивулежащія солнцу, удаляясь отъ ядра и спсаваятъ то, что мы называемъ хвостомъ кометы. Части атмосферы, обращенныя къ солнцу, также должны удаляться отъ ядра по причинѣ избытка въ припигивеніи, оказываемомъ на нихъ симъ свѣтиломъ, въ сравненіи съ дѣйствіемъ его на ядро, и посему хвостъ долженъ образоваться на обѣихъ сппоронахъ кометы; одна-кожъ наблюденія показываютъ пропигвное. Но должно замѣшнпть, что поелику комета всегда обращается къ солнцу одною сппорною, то необходимо допустить, что цешпръ ея пггжеспи находится почпшп близъ поверхности ядра, обращенной къ солнцу; ибо на сей сппоронѣ должно бытъ гораздо болѣе массы, чѣмъ на пропигвуположной. При таковомъ положеніи, цешпра пггжеспи пгггопгтнѣе, атмосферныхъ частпщъ, лежащихъ прямо пропигвъ солнца, ослабываетъ весьма мало и разпроспраненіе хвоста, направляющагося къ

нему, должно быть несравненно ограниченнѣе, чѣмъ на противоположной сторонѣ, такъ что онъ представляется въ видѣ шуманнаго пятна. Обыкновенно хвостъ бываетъ искривленъ; причиною сему служить то, что частицы кометной атмосферы, будучи увлекаемы ядромъ, не могутъ однакожь дѣлаться съ его быспрошю, и чѣмъ сіи частицы будутъ далѣе отъ ядра, тѣмъ съ меньшимъ успѣхомъ онѣ будутъ побуждаться ядромъ къ движенію, такъ что на предѣлахъ атмосферы разность будетъ самая чувствительная; и послѣку кометы обращающіяся по кривой линіи, то хвостъ ихъ долженъ, по изложенной причинѣ, загибаться и всегда обращать вогнутую часть свою къ той сторонѣ, откуда идетъ комета, такъ что плоскость его кривизны будетъ въ плоскости кометной орбиты. «Такова вообще гипотеза Лемана, съ подробностію изложенная въ сочиненіи Г. *Передовикова*. Мы почли ее слишкомъ любопытною для того, чтобы хотя сокращенно представить нашимъ читателямъ. Однакожь не можемъ не замѣтить, что объясненіе послѣдняго изъ разсмотрѣнныхъ выше явленій въ образованіи хвоста удовлетворительно только тогда, когда различныя опрасли хвоста имѣютъ одинаковую кривизну, какъ то представляла комета 1774 года; но оно дѣлается недостаточнымъ, когда комета сопровождается хвостомъ съ опраслами, имѣющими кривизны противоположныя. Такъ въ хвостѣ кометы 1811 года замѣчены были двѣ опрасли разходящіяся, дѣлавшія между собою уголъ, который измѣнялся отъ 90° до 20° и 15° , и представлявшія кривизны, совершенно противныя другъ другу. Сія явленія не весьма очевидно подчиняются предыдущимъ объясненіямъ; по крайней мѣрѣ они требуютъ дальнѣйшихъ соображеній.

Въ изслѣдованіяхъ о движеніи кометъ авторъ показываетъ, какимъ образомъ вычисляются кометныя параболическіе пути. Извѣстно, что приближенно кометныя орбиты *всегда* могутъ быть почишаемы параболами; ибо въ вершинѣ весьма разпиченный эллипсъ и парабола почти совершенно сливаются; и по снмъ только лініямъ могутъ двигатся кометы. Вообще при наблюденіи опредѣляютъ совершенно движеніе слхъ свѣпиль, и въ предположеніи параболическихъ путей, ршеніе задачи можетъ довести даже до такого числа уравненій, которое превосходитъ число неизвѣстныхъ, такъ что между элементами составляется особенное условное уравненіе, которое способствуетъ къ спрожайшему вычисленію оныхъ а). Посему простота вычисленій съ одной стороны, и малочисленность наблюденій съ другой, заставляли Астрономовъ изобрѣсти различные способы для опредѣленія на основаніи сего предположенія орбитъ кометныхъ. Способы Лагранжа и Лапласа особенно замѣчательны по точности вычисленій и удобности, съ которою они примѣняются къ практическому употребленію; но они произтекаютъ изъ соображеній, принадлежащихъ Небесной Механикѣ и выходящихъ изъ области Астрономіи. Въ числѣ многихъ способовъ, основывающихся на однихъ токмо заключеніяхъ Астрономическихъ, Ламбертовъ, по своему изяществу, имѣетъ рѣшительное преимущество передъ всеми другими, и посему авторъ нашъ предложилъ его въ своемъ руководствѣ, со многими удачными переиными. Сей же способъ изложенъ и Шубертомъ въ

а) См. *Théorie analytique du Système du monde* par Pontecoulant. Т. II.

его Астрономіи; по чинашени замѣчаютъ, что изчисленія *Г. Перевощикова* имѣютъ болѣе ясности и гораздо менѣе сложности. Иногда случается, что, не смотря на всю точность вычисленій, представляемая ими орбита довольно худо удовлетворяетъ наблюденіямъ; въ такомъ случаѣ это служило бы очевиднымъ признакомъ, что комета движется не по параболѣ. Вѣроятнѣйшее предположеніе, которое можемъ послѣ сего сдѣлать, состоитъ въ томъ, что будемъ считать орбиту разтянутымъ эллипсомъ. Периодическое возвращеніе нѣкоторыхъ изъ сихъ тѣлъ дѣлается предположеніе не только позволительнымъ, но даже несомнѣнно справедливымъ и необходимымъ для предсказанія возвращенія сихъ свѣтилъ; посему вычисления, сюда относящіеся, весьма важны для Астрономовъ. Онѣ не изложены въ теоріи кометъ *Г. Перевощикова* по тому, что сіи вычисления вообще основываются на изслѣдованіяхъ объ эллиптическомъ движеніи, находящихся по разположенію его книги въ теоріи планетъ; впрочемъ здѣсь могли бы помѣщены были нѣкоторыя подробности и прибавленія къ онымъ изслѣдованіямъ, имѣющія непосредственное отношеніе къ опредѣленію эллиптическаго движенія кометъ.

Въ новѣйшее время поступательное движеніе солнечной системы совершенно доказано, и опредѣлено, что солнце со всѣми планетами приближается къ созвѣздію Геркулеса. Относящіеся сюда изслѣдованія будутъ приобретать время отъ времени болѣе важности, и *Г. Перевощиковъ* не пропустилъ упомянуть объ нихъ. Онъ не предлагаетъ формулъ, чрезъ соображеніе которыхъ съ наблюденіями, можно было бы судить о дѣйствительности поступательнаго движе-

нія солнца, различныхъ его обстоятельствъ и направленіи; впрочемъ при нынѣшнемъ состояніи Астрономіи формулы сіи болѣе любопытны, нежели важны а).

Прочитавши сочиненіе *Г. Перовщикова* и разсмотрѣвши его во всѣхъ частяхъ, мы смѣло можемъ сказать, что оно занимаетъ отличное мѣсто между лучшими трактатами Астрономіи. Если первый опытъ сочинителя заслужилъ самый лестный отзывъ вышлага и знаменитаго ученаго сословія, то, безъ сомнѣнія, изданное теперь руководство пріобрѣтеть несравненно большее одобреніе. Многія усовершенствованія, самымъ авторомъ учиненныя въ изложеніи нѣкоторыхъ теорій, обращаютъ на себя вниманіе ученыхъ; простота исчисленій и изящество анализа, искусство, съ которымъ разобраны важнѣйшіе предметы Астрономіи и множество числовыхъ примѣровъ, основывающихся болѣею частію на дѣйствительныхъ наблюденіяхъ и объясняющихъ совершенно употребленіе формулъ, дѣлаютъ книгу сію драгоценною для тѣхъ, кои хотятъ узнать Астрономію во всей ея полнотѣ и въ нынѣшнемъ ея состояніи безъ лишней потери времени.

А. Савичъ.

а) См. *Traité d'Astronomie physique* par Biot. T. III. additions.

Телеск. Ч. III.

15

VII.

ВИБЛІОГРАФІЯ

— наложница, сочиненіе Е. Баратынскаго. Москва, въ типогр. А. Семена, 1831.—Говорятъ, что съ воцареніемъ просвѣщенія царство имени должно оканчиваться. Мы не споримъ прѣотивъ этого: но подвергаясь опасности прослыть людьми темными, чистосердечно признаемся, что для насъ имени пока еще не совсѣмъ ничтожны. Да и какъ можетъ быть иначе? Неоспоримо, что имя есть наружная вывѣска, коей назначеніе состоятъ въ томъ, чтобы оспанавливать вниманіе проходящихъ: следовательно, въ рукахъ шарлатанства, оно можетъ быть и бываетъ орудіемъ обольщенія, зазывающаго любопытство на предметны недостойныя. Довѣрять именамъ безусловно, было бы посему очень безразсудно. Но, съ другой стороны, первое впечатлѣніе, ими производимое, не можетъ оставаться безъ всякаго вліянія. Кипо, н. п. за въсксой, на которой пѣнистое пиво переливается широкою радугою изъ бутылки въ бутылку, будетъ искать респорачію Яра; или спрашивать слоеныхъ пирожковъ Педоптин удвери, на которой чипается крупными буквами: *входъ въ колбасное издѣліе?* Имя, следовательно, не совсѣмъ бездѣлица. По смыслу провожають, а по имени встрѣчаютъ: но для того, чтобы проводить, безъ сомнѣнія прежде надобно встрѣпить!..

Такъ думаетъ мы, и вѣроятно не мы одни, обращаясь на новое произведеніе *Баратынскаго*, которое теперь у насъ передъ глазами. Что за спранныя мысль—дать спихотворенію, назначаемому для будуарнаго чтенія, такое имя, которое *Дамскій журналъ*, застрахо-ванный бы уже кажется львами и морщинами оны

всякаго соблазна, не осмѣлился перенести въ свои поблеклыя страницы? Вольному воля смѣяться надъ этою спорого разборчивостію вѣчерана нашихъ будuarовъ; но мы искренно признаемся, что не прежде сами преодолѣли подобную заспѣчивость, какъ привыкнувъ встрѣчать сіе имя въ газетныхъ объявленіяхъ. Да и самъ спиховорець, кажется, чувствоваль, что впечатлѣніе, имъ производимое, не совсѣмъ можетъ быть выгодно: ибо поспѣшилъ вооружиться предисловіемъ, гдѣ, разсуждая о нравственности литературныхъ произведеній, старається укрѣпить ее за новымъ своимъ произведеніемъ и тѣмъ обнаруживаетъ желаніе предупредить соблазнъ, котораго очевидно спрашивается. Успѣлъ ли онъ въ томъ—посмотримъ!

Не лзя скрыть изумленія, коимъ поразило насъ, съ перваго взгляда, *понятіе о Литературѣ*, встрѣчающееся въ апологическомъ предисловіи знаменитаго нашего поэта. Вооружившись свѣпочемъ эстетической криптики, онъ не только видитъ самъ, но и заставляешь другихъ *«видѣть въ ней науку, подобную другимъ наукамъ, искать свѣденій, а ничего иного»* (с. XIII)!!! Литература — наука, подобная другимъ наукамъ— это весьма странно!.. Мы донынѣ привыкли считать Литературу *искусствомъ*: а искусство и наука — двѣ вещи совершенно различныя!.. Можнобы было счесть обмолвкой такое странное смѣшеніе понятій, еслибы поэтъ-эстетикъ не позаботился добродушно развить его со всею опкровенностію, для недоумѣвающихъ. Весьма искренно приглашаетъ онъ *«читать романы, трагедію, поэму, какъ читается путешествіе»* (с. XIV). *«Ищите въ поэтахъ»*—говоритъ онъ—*«того же, чего въ путешественникахъ, въ географахъ: извѣстій о любопытныхъ вамъ предметахъ; требуйте отъ*

накъ тогоже, чего отъ ученыхъ: истины показаній» (с. XV)!...Такіе совѣты не оспавляютъ никакого сомнѣнія, что, для подающаго ихъ, Липерапура ещѣ дѣйствительно — *à la lettre* — наука, подобная другимъ наукамъ. Но—въ такомъ случаѣ — и новое Липерапурное произведеніе, въ предисловіи къ коему проповѣдуется сіе новое ученіе, должно быть также наукою, или — по крайней мѣрѣ — *трактатомъ науки*; следовательно и въ немъ также, какъ въ пунешествіи или въ географіи, должно исказъ — *извѣстій о любопытныхъ предметахъ*!.. Судя по названію, мы не думаемъ однако, чтобы предметъ, имъ изображаемый, былъ для многихъ любопытенъ. Да если бы онъ и могъ быть таковымъ для нѣкоторыхъ, то за чѣмъ тогда поэту придумывать особую искусственную форму для сообщенія объ немъ *извѣстій*? Не гораздо бы ли было простѣе — отослать любопытство, охочее до подобныхъ *свидѣній*, къ соблазнительной хроникѣ, попорая, испоконъ вѣка, ведется, со всею рачительностію, спарыми кумушками, во всякомъ околodкѣ? Систематическое изложеніе ея соспавило бы, въ силу даннаго понятія, самую роскошную и полную Липерапуру!.. Между нѣмъ помыслъ поступилъ иначе. Онъ обрабатывалъ предметъ свой: и следовательно имѣлъ въ виду ничто болѣе, чѣмъ одно простое сообщеніе *извѣстій*. Спало быль, Липерапура и для него не то, что пунешествіе, не то, что географія: спало быль, не — наука, подобная другимъ наукамъ!.. Удивительное противорѣчіе между словами и дѣломъ!.. Байронъ некогда сказалъ о Монши, что онъ не знаетъ о себѣ, *какъ онъ поэтъ*: не шакое ли и нашъ стихотворецъ, который, занимая почепное мѣсто въ Липерапурѣ, ни понимаетъ, что шакое Липерапура?..

Мы однако охотнее согласимся приписать это недоразумѣнію, чѣмъ неразумію поэта-крипника. Слово: *Литература*, на всѣхъ языкахъ, въ кои перешло оно, имѣетъ два значенія: общее и частное. Въ первомъ смыслѣ, оно простирается на всѣ произведенія словесности или лучше письменности человѣческой, отъ пословицы, заключенной въ апофегму, до снѣжены міра, излагающей законы бытія въ определенныхъ формахъ. Не только путешествія и землеописанія, но даже газетныя объявленія и театральныя афиши принадлежатъ къ Литературѣ въ общемъ значеніи: и, съ сей точки зрѣнія, безъ сомнѣнія, нечего искать въ ней, кромѣ *извѣстій о любопытныхъ предметахъ*, и нечего *требовать* отъ ней, кромѣ *истинны показаній*. Но романъ, трагедія, поэма, и имъ подобныя произведенія, составляютъ особую область Литературы, которая извѣстна подъ именемъ *искусной*. Область сія подчинена особымъ условіямъ и имѣетъ особое назначеніе, особую форму, особый характеръ. Это есть слово, означенное печатію красоты. Красота следовательно составляетъ ея отличительное свойство: и потому *«въ ней»* не только *«можно»*, но должно *«искать прекраснаго»*, какъ необходимаго составнаго начала. Въ поэмѣ нынѣ нужды, что *«прекрасное»* — какъ говоритъ нашъ поэт-крипникъ — *«не для всѣхъ»*; что *«оно не понятно даже людямъ умнымъ, но не одареннымъ особою чувствительностію»* (с. XIV): для шаковыхъ черствыхъ душъ *Искусная Литература* совсѣмъ не существуетъ; и если онѣ не могутъ *«читать»* произведенія ея *«съ чувствомъ»*, то не могутъ и *«съ любопытствомъ...»* И такъ вся бѣда произошла отъ того, что, въ мысляхъ изслѣдователя, понятіе *Искусной Литературы* не отличается отъ поня-

нія *Литературы* въ общемъ значеніи. Мы называемъ это бѣдою: ибо смутное понятіе о *Литературѣ*, происшедшее въ слѣдствіе неразличенія ея знаменованій, было причиною, что все разсматриваемое нами предисловіе имѣетъ цѣпъ двусмысленный и представляетъ собою длинный софизмъ, усыпанный по мѣстамъ риторическими блестками.

Главный результатъ, къ которому все оно сводится состоитъ въ положеніи, что *«правственная критика Литературнаго произведенія ограничивается про стили изслѣдованіемъ: справедливы; или не справедливы его показанія»* (с. XVI)? Никто и не будетъ оспаривать сіе положеніе въ отношеніи къ *Литературѣ вообще*: ибо существенное назначеніе и высочайшее достоинство слова, какъ выраженія мысли, есть истина. Но *изящной Литературѣ* и собственное назначеніе и отличительное достоинство составляетъ изящество: она конечно должна быть также выраженіемъ мысли и слѣдовательно *«зрѣлищемъ дѣятельности»* (с. XVI), но — *зрѣлищемъ изящнымъ!* Здѣсь заключается тайна эстетической истины и эстетической *правственности* собственно Литературныхъ произведеній: онѣ должны быть *изящны* — и довольно! *Изящество* есть гармонія истины и блага!..

Объяснимся подробнѣе. Какое существенное назначеніе всякаго изящнаго творенія? Возпроизведеніе дѣйствительной жизни, по образцу изящества, или, что то же, представленіе ея въ совершенномъ равенствѣ съ собою. Мысль и дѣйствіе разлагаются элементы, изъ коихъ она складается, поработавъ ихъ взаимно другъ другу: но изящное произведеніе должно сдружать ихъ въ совершеннѣйшую гармонію; почто такъ какъ сдружены они рукою всехудожною, въ ве-

ликомъ зданіи вселенной, которое есть образецъ высочайшаго изящества. И такъ произведеніе изящное есть не что иное, какъ малый міръ, образъ великой вселенной въ миниатюрѣ. Неоспоримо, что гармонія, сопоставляющая изящество великой вселенной, для нашего человѣческаго уха, поспигающаго ее только въ опредѣленныхъ частяхъ и drobныхъ опрыскахъ, звучащихъ не рѣдко яркими диссонансами: но сіи диссонансы спасаются во всеобщей симфоніи безчисленныхъ аккордовъ бытія, открывающейся иногда и намъ, въ минуты превъшезнаго одушевленія. Африканскія пуспны и Лашландскія пундры сполькожъ мало вредятъ въшнему великолѣпію физической природы, сколько буйныя спраспы и гнусныя преступленія — внутреннему достоинству міра нравственнаго. Это тѣни, конхъ мрачность подчинена свѣту, по законамъ высочайшей мудрости: и вселенная — не сморя на нихъ, или лучше, благодаря имъ — представляется собой торжество высочайшей гармоніи, поучительное и назидательное. Таковы должны быть и изящныя произведенія собственнаго нашего искусства! Для нихъ тѣни также необходимы; но не иначе, какъ въ подобномъ подчиненіи свѣту. Это — то и сопоставленіе ихъ высочайшее нравственное достоинство, что всеобщая гармонія жизни; не различимая для насъ въ шумѣ дѣйствительнаго бытія, чрезъ посредство ихъ какъ будто сосредоточивается въ одинъ опредѣленный аккордъ, коего мелодія по нашему уху, точно также какъ яркій свѣтъ солнца, не стерпимый для нашего зрѣнія, отражаясь въ зеркалѣ, становится по нашему глазу. И тогда — тайна бытія становится для насъ понятнѣе, жизнь любезнѣе и священнѣе!.. Видъ безбрежнаго песчаннаго моря, разстилающагося подѣ

раскаленнымъ Аравійскимъ небомъ, гдѣ блѣднѣетъ одинъ только пепелъ исплѣвшей жизни, можетъ легко ожесточить сердце наше прошивъ природы: но пусть художникъ изроетъ сыпучія его волны, хопя невѣрнымъ, полуизглаженнымъ слѣдомъ усталого драматера . . . или пусть только подернетъ легкою пѣнкою лепучаго пара . . . предчувствіе жизни примиритъ насъ съ сею ужасною картиною всеобщаго омершвѣнія ! . . . Эша эстетическая *свѣтло - тѣнь* есть основаніе и изящества и нравственности и даже истины искусственныхъ произведеній: ибо во вселенной, которая есть ихъ первообразъ, жизнь дышетъ вездѣ, не смотря на то, что сіе дыханіе для насъ не вездѣ ощутительно. Вольтерова *Поэма на разрушеніе Лиссабона* и безнравственна, и не изящна, и ложна: ибо ея разрушаемая вѣра въ общую гармонію бытія, необходимая для опрады чувства, ободренія воли и успокоенія разума! . . При искусственномъ изображеніи нравственнаго міра, сія эстетическая *свѣтло-тѣнь*, безъ сомнѣнія, должна выражаться ярче и ощутительнѣе: ибо здѣсь описуемые ея эстетически должно быть опаснѣе и вреднѣе.

И такъ что жъ будетъ составлять *нравственность Литературныхъ произведеній*? Въ разбираемомъ нами предисловіи содержатся горькія ссынованія на Журналистовъ, которые будно требуютъ отъ Поэтовъ, чпобъ они *«воспѣвали добродѣтели, а не пороки, изображали лица, достойныя подражанія»* (с. II). Мы не хотимъ добираться, кто такіе эти Журналисты, хотя знаемъ навѣрное, что Издашель *Московского Телеграфа* не можетъ быть никакъ въ числѣ ихъ: но не можемъ не подивиться добродушію автора предисловія, который считаешь доспойнымъ

опроверженія такое нелѣпное претребованіе. Не больше вниманія слѣдовало бы удѣлить и *людямъ, называющимся правдивыми сочинителями только тѣ, въ которыхъ наказывается пороки и награждается добродѣтели* (с. III), если еще таковые люди существуютъ подлинно въ наше время. Но мы побольше бы потолковали съ пѣвми, кои дозволяютъ поэтамъ *изображать и пороки, но* не иначе, какъ *отрапезительными* (с. V). Напрасно Авторъ предисловія увѣрять, что *«не все пороки имѣютъ видъ рѣшительно гнусный»* (с. V). Шуточные стихи Панара, коими онъ спарается подтвердить мысль свою, ничего не доказываютъ, да и доказать не могутъ. Если нѣкоторые пороки кажутся намъ иногда привлекательными, то это не по чему иному, какъ по тому, что представляются нами не въ истинномъ своемъ видѣ. Сократъ говаривалъ, что если бы добродѣтель могла явиться въ человѣческомъ образѣ, то не лзя бы было не полюбить ее всемъ сердцемъ: такъ она прекрасна сама въ себя! Противное должно сказать о порокахъ: это положительное безобразіе! Сшоптъ, слѣдовательно, изобразить его со всею вѣрностью: и тогда онъ не можетъ быть не отвратительнымъ. Но предположеніе эпои отвратительности всегда ль можетъ быть полезно для нравственности? Разоблачая безжалостно до нага нашу природу, въ злополучныя минуты ея униженія, не значить ли осрамлять человѣческое наше достоинство и пѣмъ разрушать единственный оплотъ, коимъ отражается нравственное бытіе наше? Мы согласны, что для полного изученія нашей природы необходимо изученіе и мрачныхъ ея явленій, въ истинномъ ихъ значеніи, точно также какъ для полного знанія природы физической необходимо по-

знаніе и гнусныхъ гадовъ и отвратительныхъ наско-
мыхъ, во всемъ ихъ дѣйствительномъ безобразіи. Но
на сей конецъ, пускай спрогій моралистъ испаряетъ
ихъ въ понятія, доступныя изслѣдованію, почто
также какъ заботливый натуралистъ изсупаетъ сія
последнія въ муміи, удобныя для разсматриванія. По-
эту же какое до нихъ дѣло? Безумецъ художникъ,
оживляющій образъ улыбки на полотнѣ, или перела-
гающій на музыкальныя ноты лягушечье кваканье:
еще безуміе поэтъ, истощающій свою творческую
дѣятельность на представленія пороковъ и преступ-
леній, коихъ гнусность гораздо отвратительнѣе. Толь-
ко тогда подобное представленіе можетъ получить
эстетическую занимательность и вмѣстѣ нравствен-
ное достоинство, когда, волшебнымъ жезломъ искусства,
будетъ возвышено до ужасающаго величія, приводящаго
въ назидательный прелепъ, или умлчено до прогашель-
ной слабости, возбуждающей умиленное соболѣзнова-
ніе. Но хладнокровный рассказъ, передающій офици-
альныя извлеченія изъ архивовъ соблазна и преступ-
леній, для одного удовольствія сообщать ихъ — сколь
бы ни былъ *справедливъ* и *полонъ* — есть произведеніе
безобразное и безнравственное, или лучше — тѣмъ бе-
зобразнѣе и безнравственнѣе, чѣмъ *справедливѣе* и *пол-
нѣе*. Онъ знакомитъ насъ съ пагубными образами, не
противудѣйствуя ихъ вліянію; и для души нашей,
свыкающей съ ними мало по малу, скоро исчезаетъ
совершенно ихъ гнусность и отвратительность: она
дружится чрезъ то съ порокомъ; и тогда — горе прав-
дивности!

По счастію; новое сочиненіе *Баратынскаго* не впол-
нѣ удовлетворяетъ спрашиваемымъ условіямъ *правствен-
ности*, кои имъ самимъ изложены; ибо ему не до-

спасетъ ни *справедливости*, ни *полноты показній*, признаваемыхъ имъ за сущесвенныя и единственныя условія *правствейности литературнаго произведенія* (с. XVI). Что *показанія* его не *справедливы*, это доказываетъ вся ткань его, составленная кое какъ изъ произвольнаго сцѣпленія случаевъ, коихъ чрезмѣрная обыкновенность простирается до необыкновенности. *Елецкій*, оледѣвшій въ распусствѣ до хладнокровнаго *хвастовства развратомъ* (с. 11), возгарается внезапно *идеальною любовью къ Виръ Болховской*, попавшейся ему—можетъ быть, не на презвые еще и глаза—въ *балаганъ подъ Новинскимъ* (с. 11); обращаетъ на себя ея вниманіе, подавъ *урокенную перчатку на Тверскомъ бульварѣ* (с. 21); ошворяетъ себя входъ въ домъ ея дяди, упавшій изъ *театра* обманомъ добраго спарика, копорый на ту пору *позабылъ* въ лицѣ своего *лакса* (с. 35); соблазняетъ прелестную дѣвушку къ побѣгу, для того чпобы на ней жениться, и въ пошъ же самый день выпиваетъ изъ рукъ *цыганки*, копорую все еще продолжалъ беречь у себя въ домѣ, *ядъ* (с. 77): все это какъ просто, такъ обыкновенно, такъ естественнo, чпo едва вѣрится, чпобы, въ нашемъ мудреномъ свѣпѣ, случилось дѣйствительно. Спранна кажется и скоростъ, съ копорою *Впра* согласилась довѣрить судьбу свою оглашенному развратнику, коего *смуглая одлодошка* была уже ея *знакошкою* (с. 56): но гораздо страннѣе неожиданное превращеніе *приворошнаго пиптя* въ *ядъ*, прекратившій дня *Елецкаго*, коего причины оспаюются непостижимою тайною (с. 73). Гдѣ жъ здѣсь *отрпость показній*? Не ужели это произвольное сцѣпленіе случаевъ есть *зрѣлище дѣйствительной жизни*? . . . Еще ничпोजиѣ оно въ отношеніи къ *полнотѣ пока-*

затій! Чшо въ немъ показывається? Ровно ничего! Дви-
спвующія лица скользятъ, какъ пѣни: въ нихъ не
уловишь ни одной индивидуальной черты, которая бы
могла представить любопытный фактъ для изученія
правстввенной нашей природы. *Елецкаго* одинъ только
темный силуэтъ, очерченный по пѣни *Онгина*; *Вл-
ръ* не дано ничего, кромѣ имени и языка; у ней и ли-
ца не знашь. Только черты *Сары* набросаны довольно
рѣзко. Но вся картина подернута какою-то зыбкою
мглою неопредѣленности, изъ подъ которой не про-
бивается ни одной ясной, полной, докончанной идеи.
Чѣмъ же изъ ней прикажешь намъ поэтъ «*топмлять
бытіе наше*» (с. XV)? . . И пакъ, если *справедли-
вость и полнота показаній* суть главныя условія *прав-
ствственности Литературнаго произведенія*, то сіе спих-
хшвореніе *Баратынскаго*, по собственному суду его—
безправственно!.. Но мы смѣло защищаемъ его противъ
самаго себя и объявляемъ сочиненіе сіе, если не по-
ложительно *правствственнымъ*, то совершенно *невин-
нымъ*. Развранъ представленъ въ немъ пакъ, чшо на
него можно только завѣваться: и не живо и не ярко и
не полно! Да и сверхъ того, поэтическое правосудіе,
противъ коего поэтъ вооружается въ предисловіи, въ
самомъ спиххшвореніи соблюдено довольно строгаго. Раз-
вранникъ *Елецкій* оправленъ сообщникомъ своихъ ра-
спущивъ, а сія послѣдняя въ свою очередь наказана
сумасшесшвіемъ: слѣдовательно, порокъ получилъ
должное возмездіе. Чего жъ еще больше? Самая стро-
гая управа школьнаго благочинія не найдетъ, къ чему
привязаться!.. Спало бышь, за чѣмъ же и предисловіе?
Очевидно, чшо поэтъ хощѣлъ имъ обезоружить по-
чши всеобщее негодованіе, возбужденное названіемъ его
спиххшворенія, опасаясь, можетъ бышь, еще, чшобъ

оно не нашло себѣ оправданія и подкрѣпленія въ первой его сценѣ, которую самъ онъ назвалъ *»кабакъ»* (с. 3): но для этого гораздо бѣ надежнѣе и полезнѣе было выпустить совсѣмъ эту сцену и переименовать совершенно названіе! . . .

Считаемъ не нужнымъ заниматься наружною опидѣлкою сочиненія. Дозорчивая наблюдательность *Московского Телеграфа* выклевала уже по зернышку всѣ типографическія опечашки и другіе буквальные недосмотры, изъ коихъ обыкновенно соспавляются разборъ: спало бытъ, поживишься ужъ не чѣмъ. О просодическомъ достоинствѣ стиховъ говорить также не чего: оно ошупательно для каждаго образованнаго уха. Ради курьеза развѣ замѣнимъ, что имя: *Елѣцій*, вездѣ, гдѣ только приходится на концѣ стиха, рюмишь со словомъ: *сѣтскій* — какъ будио бѣ ужъ и не доспало другихъ рюмъ у *Баратынскаго*! Но заключеніемъ нашихъ замѣчаній да будетъ искреннее повѣреніе всегдашняго нашего желанія, чтобы Муза поэта, уважаемаго нами болѣе многихъ другихъ — помявъ прошедшихъ неудачныхъ опытовъ, измѣнивъ ложныя понятія о назначеніи и существѣ *изящной словесности* — захотѣла бытъ не пѣмъ, что нынѣ, а... *невѣстою* истинно прекраснаго!.. Мы бѣ опъ души по-праздновали на ея обрученіи! . . .

— НАВАРИНСКАЯ БИТВА или РЕНЕГАТЪ, историческій романъ, сочиненіе Г. Можа. Перевелъ съ Французскаго Орестъ Соловь. С. П. Б. въ тип. Х. Гипце, 1831.— БИТВА ПРИ НАВАРИНѢ или ОТСТУПНИКЪ, историческій романъ Г. Можа. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Лаз. Инст. В. Я. 1831.—Еще новый опытъ соре-ревнованія между обѣими нашими столицами—и опять

не въ пользу Москвы!.. Эпо однако теперь не лаетъ больно! *Г. Сомовъ* извѣстнѣе уже въ нашей Литтературѣ, какъ переводчикъ, владѣющій языкомъ и знающій дѣло: слѣдовательно, проиграть въ состязаніи съ нимъ не стыдно. Да и въ самомъ дѣлѣ, настоящій переводъ его пѣковъ, какъ не лзя желать лучше. Нашъ Московскій пруженикъ налегаль, кажется, особенно на буквальную вѣрность въ своемъ переводѣ. Эпо видно изъ самаго заглавія, гдѣ Французскій сочинитель названъ *Моке*, буква въ букву съ оригинала. Отсюда же, кажется, можно извѣстять и галлицизмы, которыхъ у него не заищешься.

Для насъ спрранно только особенное счастье, улыбающееся на Руси произведенію *Г. Моке*. Вдругъ два персевода! Вѣроятно, этимъ счастьемъ обязано оно своему имени, напоминающему одинъ изъ блистательнѣйшихъ моментовъ современной нашей жизни: другой заппампельности никакой оно не имѣетъ. Романическій узоръ, коимъ вышито въ немъ главное историческое происшествіе, не оплнчается ни новостію рисунка, ни оригинальностью цвѣтовъ, ни масперствомъ работы. Содержанію не достаеетъ полнаго развитія, силлю еспественности и истины. Напрасно бы захотѣли въ немъ искапъ вѣрнаго изображенія современной жизни Грековъ или Турковъ, по нынѣшнему понятію историческаго романа: все здѣсь разурмянено и па ходуляхъ, все окружено театральною помпюю. Лица не дѣйствуютъ, а воспоргаются, не говорятъ, а декламируютъ. Это нѣчто въ родѣ *Флоріанова Нули Политилія* или *Гонзальва Кордуанскаго!*

— ПУТЕШЕСТВІЕ по Германіи, Италіи, Швейцаріи, Франціи, Англіи и Нидерландамъ, въ 1828 и 1829 годахъ,

Доктора Р. Ниберга, *содержащее описание главных городов Европы, учебных, богоугодных и лечебных заведений, увеселительных мест и других достопримечательностей, 3 части. С. П. Б. В тип. А. Плюшара, 1831.*—У насъ многіе путешествовали путешествуя по чужимъ краямъ: но большая часть изъ нихъ прогуливается для удовольствія и разсѣянія; и попому возвращается домой, не только не собравъ ничего новаго, но даже расшерявъ послѣдній скарбъ свой. Опъ такихъ путешественниковъ, конечно, не чему научиться: и попому ни чужь не жалко, что они лѣнились надѣлать публикѣ пересказомъ мимошедныхъ впечатлѣній, уцѣлѣвшихъ въ ихъ воспоминаніи опъ дорѣзной пряски. Не таково было путешествованіе Г. Ниберга. Онъ *отправлялся въ чужіе края, по собственнымъ словамъ, «дабы усовершенствовать себя въ приобретенныхъ познаніяхъ»*; и усердіе, съ конемъ поспѣшилъ онъ подѣлиться съ публикой наблюденіями, имъ собранными, заслуживаетъ полную признательность. Мы прочли книгу его съ большимъ любопытствомъ: и признаемся, что нашли въ ней много любопытнаго и занимательнаго. Обращавшія на себя преимущественно наблюдательность путешественника, *учебныя, богоугодныя и лечебныя заведенія* въ важнѣйшихъ городахъ Европы, описаны имъ съ удовлетворительною полнотою. Помѣстамъ встрѣчающимся любопытныя Медицинскія разсужденія, какъ н. п. объ *ученіи противораздраженія (contrastimulus)*, господствующемъ въ Павіи, подъ защитою знаменитаго Профессора Томазини (I. 132—140), и о *кретинизмѣ*, составляющемъ особенный родъ идиотизма, встрѣчающагося въ долинахъ Швейцаріи, Пиемоншта, Савоіи, Тироля, Спиріи, Каринтіи, и преимущественно въ долину Нижняго

Валлиса (II. 72—72). Сверхъ того къ I части путешествія приложена форма *журнала для составленія исторіи болѣзни*, въ училищѣ *Медицинской Клиники Сіенскаго Университета*; ко II—планъ *приватной лечебницы для умалишенныхъ*, построенной въ Иври знаменитымъ Психіатромъ Эскиролемъ; и наконецъ къ III—два образчика *выпуклаго шрифта для чтенія слѣпыхъ*, печатанные при Санктпетербургскомъ Институтѣ, изъ которыхъ на одномъ находится соло изъ извѣстнаго *Гимна слѣпыхъ*, а на другомъ музыка по-гоже соло, гдѣ вмѣсто нотъ употреблены цифрь. Вещи очень любопытныя!

— ШЕЛЬМЕНКО, ВОЛОСТНОЙ ПИСАРЬ. *Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Харьковъ, въ Унив. Типографіи, 1831.* — Комедія сія есть продолженіе извѣстныхъ *Дворянскихъ Выборовъ* и принадлежитъ, безъ сомнѣнія, тому же автору. Она пмѣетъ тѣже самыя достоинства и тѣ же недоспадки. Въ ней проказятъ спаришныя знакомцы: *Трофимычъ* и *Шельменко*. Они ухищряются опалить въ рекруты одного простодушнаго крестьянина подъ чужимъ именемъ, дабы прибавить къ рукамъ живомы его: но козни ихъ обнаруживаются спрогимъ Губернаторомъ; и *Шельменку* вѣрно самому забраться лобъ... капаспрофа умилительная!.. Мы желаемъ однако, чилобы ею повершилось все; и не совѣшаемъ почтенному автору воскрешать снова пораженнаго героя и выводить его на сцену опять ни съ обрипымъ, ни съ. вырощеннымъ чупомъ. Одно и поже не можетъ не надѣсть: свидѣтели тому *Выжисины*, конхъ роду угрожаетъ переводъ опъ чрезмѣрнаго развода. Къ книжкѣ приложенъ курьезный портретъ — *Шельменка*, въ полномъ національномъ костюмѣ.

—QUELQUES RÉFLEXIONS SUR LE CHOLERA-MORBUS, par le Dr. Jaehnichen, membre du conseil temporaire de médecine. Moscou, de l'imprim. d' A. Semen, 1831. (нѣкоторыя размышленія о холерѣ, Доктора Янихена, члена Временнаго Медицинскаго Совѣта. Москва, въ тип. А. Семева, 1831). — Публикѣ, безъ сомнѣнія, давно уже надоели различныя, другъ другу противурѣчающія толки, коими наши врачи усиливаются теперь заговорить, какъ буди, въ догонку, не слушавшуются ихъ холеру. Не смотря на то, мы находимся принужденными, подолгу журнальной присяги, тревожнѣе снова ея вниманіе. Надѣемся однако, что на эпохѣ разъ она не соскучится съ нами: ибо предметъ разсмотрѣнія, ей теперь предлагаемаго, будетъ составляющъ прелюбопытная рѣдкость.

Люди съ обширнымъ взглядомъ, подводящіе все подъ одну общую точку зрѣнія, давно увѣрили, что медицина, подобно всѣмъ прочимъ отраслямъ человѣческаго просвѣщенія, должна имѣть свой романтизмъ, противоположный школьному педантическому классицизму. Намъ казалось это шуточкою или мистификаціею: но теперь опыты учили насъ, что мы жестоко ошибались.

Книжка, издающая Г. Янихеномъ о холерѣ, поднимаетъ нѣкоторые размышленія, представляющія собою живой образецъ Медицинскаго Романтизма. Просимъ не смѣяться! Мы основываемъ это на доказательствахъ, коими охотно подѣлимся.

По общему мнѣнію; главнымъ признакомъ романтизма считается умышленное пренебреженіе всякой правильной формы, сообщающей понятіямъ связь, порядокъ и цѣльность: таково именно сочиненіе Г. Янихена. Оно можетъ соспязаться съ любой поэ-

Телеск. Ч. III.

46

мою въ вольности изложенія, не спѣслющейся никакою систематическою формою. Что это не безъ умысла, въ томъ никакъ не лзя сомнѣваться. Авторъ, знаешь важность систематической методы (*manière scientifique*) для подобныхъ изслѣдованій; ибо нерадѣніе объ ней спавишь въ вину Г. Лодеру; и между тѣмъ самъ, не только не счелъ себя обязаннымъ подчиниться ей, но даже призналъ себя въ правѣ «не беспокоиться о многочисленныхъ небрежностяхъ» (*nombreuses négligences*), еспешвенно долженствовавшихъ произойти въ слѣдствіе ея пренебреженія (р. 129). Не явный ли признакъ *романтическаго* своеволія?

Но отсутствіе правильности и порядка въ произведеніяхъ, называющихся романтическими, не оспавляется безъ пополненія. Оно вознаграждается, или лучше, загромождається песпрымъ разнообразіемъ, затѣйливой оригинальностью и фантастическимъ колоритомъ содержанія. Здѣсь—именно это самое!..

Содержаніе *нѣкоторыхъ размышленій Г. Янишена* до невѣрности разнообразно. На каймъ роскошнѣйшей Турецкой шали едваль встрѣишься подобная песпроша. Здѣсь есшь все: и ученые медицинскіе терминны, и списки изъ Байрона и Гёте, и афоризмы и каламбуры, и софистическія сплетни и полемическіе напски. Чипая, какъ будто гуляешь по саду, чпо на Тверскомъ бульварѣ: на каждомъ шагу — новость непредвидѣнная и неожиданная. Начинаешь съ *родовъ* общей напей прамапери *Еввы* (р. 3) и перебрасываешься въ шуже минутому къ недоношенному произведенію Г. Лодера. Безчисленное множество собспвенныхъ именъ, изъ коихъ нѣкоторыя, по сознанію самаго Автора, извѣстны ему только по журнальнымъ слухамъ (р. 130), шолнишься предъ взорами и усугубляешь песпро-

ту зрѣлища. Коротко сказать, сочиненіе *Г. Янихена*, по необъятному разнообразію и чудному смѣшенію предметовъ, въ немъ содержащихся, есть настоящая волшебная фантазмагорія. Новое свидѣтельство романтизма!

Но очарованіе, а следовательно и романтическій интересъ *размышленій Г. Янихена*, возвышается еще болѣе, когда въ неисчислимомъ разнообразіи всякой всячины, составляющей ихъ содержаніе, встрѣчаешь мысли, или лучше, вымыслы, коихъ оригинальность простирается до изумительной странности, даже до дикости. Таково и. п. сомнѣніе, изъявленное *Г. Янихеномъ*, о незаразительности чумы, въ слѣдствіе коего, карантинныя мѣры для ея предотвращенія, освященные законами во всѣхъ Европейскихъ Государствахъ, объявляются не только бесполезными, даже пагубными (р. 121) — пагубными гораздо болѣе, чѣмъ старинные законы противъ колдуновъ и волшебниковъ (*beaucoup plus funestes que les lois contre les sorciers et les magiciens*) (р. 122). И сомнѣніе это весьма оригинально, хотя собственно не принадлежитъ *Г. Янихену*, а заимствовано имъ у *Маклана*, награжденнаго уже опъ просвѣщенной Европы достойнымъ сожалѣніемъ: но доказательства, коими спарается подкрѣпить оное *Г. Янихенъ*, еще оригинальнѣе. «Всѣ знаютъ» — говоритъ онъ — «беспечность Турковъ, ихъ слѣдную вѣру въ фатализмъ: отъ чего же чума перестаетъ въ Константинополѣ? отъ чего въ Турціи есть еще жители?» (р. 119). Такой ориентализмъ въ заключеніяхъ чему приписать, какъ не романтизму, любящему украшаться восточными красками?.. Это, однако, ничто еще, въ сравненіи съ настоятельнымъ требованіемъ *Г. Янихена* — «спускать въ вены холериковъ горячую воду въ 50° съ какою-шо еще примѣсью»

(р. 95),—копорос, по счастью, было отвергнуто Медицинским Совѣтомъ. Такое пребываніе можетъ найсти для себя образцы только въ мифическихъ чудодѣйствахъ Меден, или въ преданіяхъ среднихъ вѣковъ, когда шарлатаны, хваставшіеся обладаніемъ *великаго таинства* (arsanum magnum), вызывались молодить легковѣрныхъ спарниковъ, переливая новую кровь въ ихъ извѣстнавшія жилы. Можетъ быть, эту и счастлииво сошлось съ рукъ *Г. Янхена*: но мы все не можемъ не подивиться истинно *романтической* смѣлости, съ копорою онъ рѣшился возсоздать, изъ праха минувшихъ временъ, эту дикую руину алхимическаго чудодѣйства!..

Наконецъ, послѣднею тайною романтической прелести обыкновенно считался фантасмическая *парообразность*—*quelque chose de vaporeux*, какъ говорятъ Французы. Но сочиненіе *Г. Янхена* все основано на *парахъ* и разрѣшается въ *пары*, какъ въ резульпантъ окончателный. «*Кажется достовернымъ*»—говоритъ онъ въ заключеніи своей книжки—*«что холерическій миазмъ имѣетъ особенное сродство съ водяными парами, что онъ имѣетъ ту же степень летучести, что—въ слѣдствіе того—можетъ вліять съ ними возвышаться въ атмосферу, оставаться тамъ болѣе или менѣе время, смотря по ея спокойствію, переноситься въ другія мѣста съ облаками чрезъ посредство легкихъ теченій воздуха, разсѣиваться совершенно бурными вѣтрами, низвергаться наконецъ въ видъ тумана или дождя въ какомъ нибудь отдаленномъ мѣстѣ и такимъ образомъ развивать тамъ болѣзнь холеры»* (р. 126). Какая поэтическая картина! Какая романтическая мечтательность! Жаль только, что среди столь выпренняго одушевленія, *Г. Янхенъ*, по какому-то непонятному опятопѣнію, ро-

плется внезапно въ неожиданный матеріализмъ, утверждая, что будто *«эти летучіе пары, напоенные холерическимъ міазмомъ, могутъ сгущаться до какой-то особенной матеріи»* (р. 126), которая и была уловлена имъ, съ помощію *Г. Германа* (р. 28). Впрочемъ это огрубленіе паровъ, пропивное романтизму, должно будетъ вознаграждаться пользою, которую обыщаетъ: ибо, въ слѣдствіе его, холерическій міазмъ, уловленный такимъ образомъ, можно будетъ закупоривать въ бутылки и показывать безъ всякаго вреда любопытнымъ, какъ льва или ингра въ клеткѣ!..

Въ заключеніе должно сказать, что и шонь, принятый *Г. Яниченко* въ своемъ сочиненіи, не чуждъ ной самонадѣянной рѣзкости и назойливости, которыя счисляются необходимою принадлежностію романизма. Онъ преслѣдуетъ *Г. Лодера* съ невыносимымъ ожесточеніемъ, угрожаетъ *Г. Мудрову* *«жуланами и ногтями»* (*pinguis et calcibus, ungibus et rostro*) (р. 22), и задаетъ *Г. Товскому* шапкой презвонъ (р. 84—87), какой за рѣдкость удавалось намъ слышать въ самой брашнѣ рецензій. Какая медицина моглабы позволить это, кромѣ *романтической*!

И такъ явно, что сочиненіе *Г. Яниченка* есть совершеннѣйшій образецъ Медицинскаго Романтизма. А потому удивительно ли, что *Московский Телеграфъ*, заклятый поборникъ всего романтическаго, принялъ оное подъ свое высокое покровительство и смѣлою рукой изрылъ имъ *Г. Яниченка* на скрижаляхъ безсмертія?...

Мы, съ своей стороны, признаемся, что сочиненіе сіе прочли съ удовольствіемъ и любовались имъ ошъ сердца, какъ весьма интереснымъ доказательствомъ,

до какой степени и во врачах можетъ разыгрываться фанпазія. Публика, вѣроятно, раздѣлитъ съ нами это невинное удовольствіе! (W. W.)

—DISQUISITIO ANATOMICO-PATHOLOGICA IN HOMINIBUS CHOLERA-MORBO EXSTINCTIS; a Doctore Medicinæ nec non Professoris Chirurgiæ Adjuncto T. Kudriawcew et a Medicis atque C. A. M.—C. Prosectoribus Anatomiae A. Bogolubow et Zootomiae A. Kikin, anno 1830 facta. Mosquae, typis A. Semen, 1831. (АНАТОМИКО—ПАТОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ТРУПОВЪ ПОРАЖЕННЫХЪ ХОЛЕРОЮ, произведенныя, въ 1830 году, Докторомъ Медицины, Адъюнктомъ Профессора Хирургіи, Т. Кудрявцевымъ, и Лѣкарями И. М.-Х. А. Прозекторами: Анатомию А. Боголюбовымъ и Зоотомию А. Кикинымъ. Москва, въ Тип. А. Ссмена, 1831). — Книжка сія издана Императорскаго Медико-Хирургическаго Академію и содержишь въ себѣ наблюденія, собранныя опряженными опъ ней чиновниками для разсѣченія холерическихъ труповъ. Г. Янихенъ, въ книжкѣ своей, соспавлявшей предметъ предыдущаго разбора, позволяеть себѣ обвинять Академію въ виновной робости, утверждая, что будпо назначенная ею коммиссія «принялась за дѣло не прежде, какъ по вскрытіи 26 труповъ, и слѣдовательно по достаточному удостовѣреніи, что всѣ члены коммиссии, назначенной опъ Временнаго Медицинскаго Совѣта и состоявшей изъ Г. Маркуса и его Г. Янихена (мои), наслаждались очевидно совершеннымъ здоровьемъ» (р. 77). Но изъ предудомленія, приложеннаго къ изданной Академію книжкѣ, видно, что сія коммиссія, соспавленная изъ ординапоровъ Академической больницы, занималась прежде очищеніемъ Академическаго дома опъ появив-

шейся памѣ болѣзни и слѣдовательно, *не имѣла возможности* приступить къ своему назначенію раньше (р. 3). Чпозжѣ подуматъ о такомъ неосновательномъ и клеветливомъ обвиненіи?.. Жаль, чпо книжка сія написана на Лапинскомъ языкѣ: иначе публика вѣрно бѣ не отказалась полюбоваться полнопою и опчешливостію содержащихся въ ней показаній, особенно, прочишавъ на заглавномъ листкѣ ея имена чистю Русскія! 5.

VIII

ПАМЯТЬ

АВГУСТА ЛАФОНТЕНЯ.

Requiescat in pace!

Кто изъ насъ не чинывалъ *Лафонтеня*? Кпо не одолженъ былъ ему хопя нѣсколькими минушами сладкаго умиленія, въ счастливые дни юношеской мечпательности? Было время, когда вся Европа приносила ему въ дань нѣжнѣйшее участіе. Его романы, переведенные едва ли не на всѣ образованные языки, соспавляли всеобщую поипребность и всеобщее наслажденіе. Но какъ скоро все перемѣнилось! *Лафонтеню* суждено было пережить себя: и пѣ, копорые за нѣсколько лѣтъ плакали на взрыдъ надъ его спраницами, нынѣ едва ли канушъ одну искреннюю слезку на его свѣжую могилу!...

Такого пламеннаго энтузіазма споль быспрое охлажденіе должно бытъ изъясняемо не сполько изъ непоспоанства и прихопливости публики, сколько изъ непрочности правъ на ея вниманіе. Вошъ суждс-

ніе, произнесенное однимъ Германскимъ Криптикомъ о романахъ *Лафонтеня* еще тогда, когда продолжали сходить съ ума оныя нѣхъ. Да будетъ оно сужу надгробіемъ!

—Первые опыты *А. Лафонтеня*, сбивавшіеся, по какой-то странной ошибкѣ, на поны Римской суровости и трагическаго напряженія, не показывали большаго дарованія и не имѣли почти никакого достоинства. Но публика оспалась, однако, съ надеждою, что изъ него со временемъ выйдетъ что-нибудь получше; и когда наконецъ получила оныя него *Могущество Любви* (*die Gewalt der Liebe*), то очаровалась такъ, что почти сопричислила его къ малому числу отличнѣйшихъ романистовъ; по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, начали видѣть въ немъ весьма занимательнаго повѣствователя, которому не лѣзя было опсказывать въ даръ изобрѣтательности. *Лафонтенъ* умѣлъ поддерживать сіе благосклонное вниманіе читающей Германской публики своимъ *Квинтиусомъ Геймераномъ фонъ-Фламмингомъ* (*Quinctius Fiermax von Flammig*), *Семействомъ Гальденъ* (*die Familie Halden*) и другими многими произведеніями, кои снизалъ изъ смѣшныхъ и важныхъ сценъ, перемѣшанныхъ вмѣстѣ другъ съ другомъ, и изложилъ слогомъ чепкимъ. А дабы и любители чувствительнаго и пророгательнаго не опсходили оныя него съ пустыми руками, оныя похлопоталъ и для нихъ въ своемъ *Сентъ-Жюльеттѣ* (*Saint Julie*), гдѣ много сценъ дѣйствительно разительныхъ. Такимъ образомъ *Лафонтенъ* сдѣлался любимцемъ Германской публики, но не на долго. Скоро спали замѣчать, что содержаніе его разсказовъ всегда очень скудно и обращается въ весьма нѣсномъ кругѣ пошлыхъ характеровъ и ситуаций;

усмотрѣли, что онъ началъ нерадѣть о слоgъ и даже иногда щеголять неблагозвучіемъ и разрубленностью періодовъ ; наконецъ догадались—о чемъ и не трудно было догадаться—что въ немъ не было совершенно никакой оригинальности и что онъ перенималъ все, что ни попадалось ему подъ руку—прекрасное, хорошее, посредственное и худое—пипался крохами Жан-Поля, Йорика, Фильдинга, Гольдсмитта, Мармонтеля и. ш. д.

»Наименѣе скрытно и наиболѣе опасно для него было подражаніе Жан-Полю. Онъ ни сколько не претовжился пѣмъ, что споль высокій и роскошный поэтъ не очень доступенъ для подражанія, и съ спокойнымъ духомъ принялся за дѣло. Сначала онъ попробовалъ было взяться за блестящую сторону Рихтера, за остроуміе и неиспощимый юморъ: но если желаніе быть легкимъ не удастся, какъ скоро спонитъ трудовъ и эти труды замѣтны — то что сказать о насильственныхъ припизаніяхъ на это всепроникающее остроуміе, на этотъ юморъ, объ-емлющій міръ и человѣчество? *Лафонтень* былъ спранецъ, когда спарался быть остроумнымъ; шатался, какъ-угорьный, когда хотѣлъ казаться юмористическимъ: и при томъ такъ, что въ этой спранности и въ этомъ шатаваніи оцущивательно была намѣтенность и принужденность, лишаящая ихъ даже возможности заслужить приминную улыбку. Послѣ этой неудачи принялся онъ за Рихтерову сентиментальность, но къ сожалѣнію позабылъ, что она проливается изъ глубины кипящаго духа, а не спсипонитъ въ словахъ, повпоряемыхъ механически. И пакъ онъ началъ хвалить одиѣ слова и влагалъ ихъ въ уста своимъ мошлымъ созданіямъ, не объяснялъ, какимъ образомъ

эпи созданія могли научиться произносить ихъ. А между тѣмъ здѣсь-то именно онъ и чувствовалъ себя въ своей сферѣ; и пошому сыпалъ щедроту рукой, по пустой шкани своихъ мыслей, обильное множествъ сладкихъ выраженій, собственнаго издѣлія— какъ то: »испаяющія очи (*sehende Augen*), безцѣнная праведница (*theure Heilige*), слезящая улыбка любви (*weinendes Lächeln der Liebe*), глубоко мрачная земля (*tief dunkle Erde*), жгущія скорбь, носимыя подобно цвѣточному вѣнку или царской коронѣ, (*heiße Schmerzen, die wie ein Blütenkranz oder wie eine Krone getragen werden*), далеко прозирающій взоръ души (*weit hinsiehender Seelenblick*), Ангелъ подъ прозрачнымъ покрываломъ смертнаго дѣвическаго шѣла (*Engel hinter dem durchsichtigen Schleier eines sterblichen Mädchenskörpers*)» и имъ подобныя— зная хорошо, что большая часть читателей оспанулся довольными, если ихъ разшевелишь сколько-нибудь, забросавъ словами.

»Намъ нравится въ нѣкоторыхъ остроумныхъ и любезныхъ писателяхъ, какъ н. п. въ Гоцци, если они одними именами лицъ выражаютъ уже весь ихъ характеръ, такъ что мы совершенно знаемъ, чего должно ожидать, когда являюся Панталонъ, Бригелла, Труффальдинъ и прочая братія, и пріятно предугадываемъ, какимъ родомъ остроумія будутъ насъ забавлять эти выпускныя фигуры, въ твердой увѣренности, что не можемъ обмануться ни какъ. Точно также неизмѣны характеристическія фізіономіи и роли въ романахъ *Лафонтеня*: и мы знаемъ со всею точностію напередъ; что значатъ его деревенскіе помѣщики и пасторы, корабельные капитаны и вахмистры, спарые гусары—

скіе полковники и прелестные молодые ротмистры ; намъ извѣстно, что министры у него имѣютъ всегда характеръ нерѣшительный и что опъ камеръ-юнкеровъ его немного добра дожدهшься. Мы доспаточно знаемъ, какъ ведутъ себя его идеально прекрасныя и добродѣтельныя дѣвушки , и , въ продолженіе многихъ лѣтъ, дознали опъ него, изъ многихъ опытовъ, что богатая молодая Графиня, древнѣйшей фамиліи, весьма можетъ влюбиться въ молодого человѣка , мало-важнаго или совсѣмъ ничтожнаго происхожденія , и что неоспорожные родители или дядя и шепки , очень часто открываютъ это слишкомъ поздно, когда уже не возможно опврапить глубокихъ сердечныхъ спраданій и большой суматохи. Его дѣвушки-кокетки пакже извѣстны намъ подногошно: и мы знаемъ, что онъ почто пакже ведутъ себя въ 1811 году, какъ и въ сказаніяхъ 1791 года, гдѣ ихъ хитроспни и уловки уже были обнаружены.

»Въ послѣднее время *Лафонтень* не удовольспвовался эпою спереошппною неизмѣнностью характеровъ, но сдѣлалъ нѣсколько шаговъ далѣе. Онъ избавилъ себя опъ труда выдумывать , для новыхъ своихъ произведеній, новую испорію или даже новыя сипуаціи, и спокойно началъ повпорять все спарое , измѣняя только немного форму. Я не знаю , какъ назывался Герцогъ , Графъ или Баронъ , который однажды попросилъ у д'Аламберша первую часть его сочиненій. Авторъ послалъ ее къ нему и чрезъ нѣсколько дней получилъ назадъ съ увѣреніемъ, что книга прекрасна, и съ просьбой прислать вторую часть. Д'Аламбершъ, который очень хорошо зналъ , съ кѣмъ имѣетъ дѣло, послалъ къ нему опять ту же первую часть и получилъ обратно съ увѣреніемъ, что впорая часть еще

прекраснѣе, и съ просьбою прислать третью. Такимъ образомъ первая часть была послана снова; и внимательный читатель получилъ ее спокойно вмѣстѣ третей, потомъ вмѣстѣ четвертой, пятой, шестой и наконецъ последней части. Эта послѣдняя часть была возвращена съ похвалою выше всякой мѣры, преимущественно за то, что въ ней содержится крапкая перечень всѣхъ предыдущихъ частей. Не должно ли подумать, что *Лафонтенъ* считалъ всю публику за подобнаго Графа или Барона и увѣренъ былъ душевно, что съ ней можно поступать также, какъ д'Аламбертъ поступилъ съ своимъ читателемъ для шутки и для наказанія невѣжественной суетности? Но онъ очень ошибся: до этого не дошло еще—по крайней мѣрѣ, съ Германской публикой. У ней доспало проникательности догадаться, что сочиненія *Лафонтена*, являвшіяся въ первомъ десятилетіи нынѣшняго столѣтія, являлись уже въ послѣднемъ десятилетіи прошедшаго: и она мало по малу отказалась отъ скучной работы повторять одно и тоже въ другой, третій, и даже четвертый и пятый разъ, для удовольствія автору.

Въ заключеніе должно сказать, что мы, къ сожалѣнію, находимся принужденными объявить большую часть *Лафонтеновыхъ* сочиненій *безнравственными*; поелику почка зрѣнія, съ коею представлялся въ нихъ жизнь, такова, что сила и духъ незрѣлыхъ юношей и неопытныхъ дѣвушекъ, коихъ *Лафонтенъ* составляетъ почти единственное чтеніе, изнуряется и обезсиливается ея впечатлѣніями или совращается на ложную и опасную дорогу. Въ нихъ во всѣхъ почти, отношенія родителей къ дѣтямъ, опекуновъ къ питомцамъ, гражданъ къ обществу, изображающіяся

въ совершенно произвольномъ, суебно искаженномъ и для помануемыхъ чипапелей и чипапелъницъ пагубномъ свѣтѣ. Сколь мало авторъ, ихъ ладилъ съ собою и съ жизнью, обнаруживается всего яснѣе иногда, когда онъ берется за философствованіе, которое оканчивается у него обыкновенно нѣжными вздохами, или восклицаніями: «бѣдныя смерщныя!» О томъ—что каждый важный вопросъ о Богѣ, о природѣ и объ насѣ самихъ, долженъ находить непреложный удовлетворительный отвѣтъ въ Богѣ, въ насѣ и въ природѣ, и что следовательно для мыслящаго философа, штемъ болѣе для религіознаго мудреца, невозможенъ ропотъ безъ надежды и упѣшенія—о томъ, кажется, *Лафонтень* не имѣлъ никакого понятія!»—

Сужденіе строгое, но вѣрное! Мы могли бы еще распространить его: но—*de mortuis aut bene, aut nihil!*... Миръ праху усопшаго!..

А. Лафонтень скончался въ Гамлѣ, 20 (н. с.) Апрѣля текущаго года. Онъ родился въ 1758 году и следовательно умеръ семидесяти двухъ лѣтъ.

IX.

НОВОСТИ

НАУКЪ И ИСКУССТВЪ

—БЛАГОДѢТЕЛЬНОЕ ПОЖЕРТВОВАНІЕ П. Н. Демидова для поощренія отечественнаго просвѣщенія.—У насъ не рѣдко слышны жалобы на медленные успѣхи учености: но одни ли ученые тому причиною! Золотые вѣки просвѣщенія ни гдѣ не развивались безъ Меценатовъ: а наши богачи были ли когда особенно торопавшыся для учено-

спи? Между тѣмъ бѣдпоспѣ весьма часто бываетъ. подругою Музъ: и еслибы не попечительность правительства, которое не оставляетъ ни когда благонамѣренное трудолюбіе безъ призрѣнія, то иному ученому не на что бы было засвѣпить свѣчки для своихъ бѣднѣй. Какихъ же шупъ ожидать успѣховъ? Даже еслибы они и пробивались кое-гдѣ, то какимъ образомъ доходить имъ до общаго свѣденія, когда это сопряжено бываетъ съ большими издержками? У насъ нѣтъ, да и не можетъ быть книгопродавцевъ, которые бы, какъ въ чужихъ краяхъ, принимали на себя издаііе сухихъ произведеній не раскупающейся учености. Опъ этого многіе весьма важныя труды нашихъ соотечественниковъ гибнутъ совершенно подъ спудомъ безвѣстности, или доспаются за безцѣнокъ пропырливому невѣжеству, которое святошапски перебивъ ихъ и увѣщивается само ихъ лоскутками. Гдѣ н. п. плоды многотѣсныхъ трудовъ почтеннаго Профессора *Тимковскаго*? Гдѣ сокровища, собранія неупоминимыхъ *Долгого - Ходаковскаго*?.. У насъ есть одинъ землякъ, пріобрѣтшій Европейскую извѣстность своими трудами по части Высшей Филологіи и Археографіи, который соспизался некогда достойно съ *Шампольономъ* и опъ котораго не стыдился принимать совѣты и замѣчанія *Клароты*: сколько драгоценностей, на которыя заглядывалъ бы Европа, кроется у него въ портфейлѣ, единственно опъ недостатка способовъ къ ихъ издаіію. *Fiant Mecenates, non deerunt Marones!*..

Какъ же не преклониться шеперь съ благоговѣйною признательностію предъ благороднымъ усердіемъ *Павла Николаевича Демидова*, который, опъ избытковъ, дарованныхъ ему Провидѣіемъ, ошдѣлилъ щедрую на-

граду для смиренныхъ пружениковъ просвѣщенія и обезпечилъ имъ вмѣстѣ возможность доводить до общаго свѣденія труды свои! Достойный наследникъ имепи, уже сіяющаго въ ряду благопovitpителей опечес-твеннаго просвѣщенія, онъ опредѣлилъ—съ Высочай-шаго дозволенія — вносить ежегодно по смерти свою и еще по кончинѣ, въ печеніе двадцати пяти лѣтъ, по двадцати тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ назначаемы были ежегодно награды, въ пять тысячъ рублей каждая, авторамъ *отличнѣйшихъ сочиненій*, коими въ печеніе предшествовавшаго года обогатили-ся Русская Словесность, и сверхъ того еще по пяти тысячъ для напечатанія сочиненій, удостоенныхъ на-грады. Вотъ условія для полученія шаковыхъ на-градъ:

«Къ соспизанію пріемлются вообще только ориги-нальныя, напечатанныя на Русскомъ языкѣ сочиненія, хопябъ Авторъ оныхъ былъ иностранецъ. Сочиненія сіи могутъ быть слѣдующихъ родовъ: 1. Оригинальныя пво-ренія о всѣхъ отрасляхъ человѣческихъ познаній, какъ и приложений оныхъ къ пользамъ общественнымъ, не ис-ключая и проспыхъ, менѣе проспранцыхъ рассужде-ній, если сіи послѣднія обогащаютъ Науку какимъ нибудь новымъ важнымъ откpытіемъ. 2. Сочиненія о теоріи Изящныхъ Искусствъ и Словесности. 3. Со-чиненія о новыхъ полезныхъ изобрѣтеніяхъ или оп-кpытіяхъ на поприщѣ промышленности. 4. Учебныя книги, излагающія полную систему какой либо Науки и могущія слпать на ряду съ лучшими сочиненіями сего рода не только въ Россіи, но и въ чужихъ краяхъ. 5. Ученыя путешествія; Словари Наукъ; Сочиненія, излагающія Исторію какой либо Науки. 6. Исправныя Грамматики Русскаго языка; Об-

ція Грамматики, также Грамматики древнихъ и Восточныхъ языковъ, для Русскихъ; Словари съ толкованіемъ на Русскомъ языкѣ, и другія относящіяся до сравнительнаго языкознанія сочиненія. 7. Переводы на Русскій языкъ новыхъ признанныхъ классическими твореній по части Наукъ могутъ притязать на полученіе награды въ такомъ только случаѣ, когда Переводникъ снабдилъ ихъ примѣчаніями и пополненіями, служащими къ обогащенію Науки и къ возвышенію достоинства подлиннаго сочиненія. 8. Критическія изданія древнихъ классическихъ Авторъ, а равно составленные съ подлинниковъ отличные критическіе переводы древнихъ Классиковъ; учебныя примѣчанія къ онымъ могутъ быть писаны на Русскомъ языкѣ или языкомъ подлинника. 9. Критическія изданія и переводы важныхъ произведеній Восточной Литературы. 10. Книги, писанныя на новѣйшихъ иностранныхъ языкахъ, могутъ сослѣзаться въ награду только тогда, когда разсуждаютъ о важномъ національномъ предметѣ, или такомъ, который имѣетъ непосредственное отношеніе къ Россіи; въ семь случаевъ допускаются къ соисканію награды, кромѣ природныхъ Русскихъ, и иностранцы, живущіе въ Россіи. 11. Рукописи допускаются къ соисканію награды только въ особенныхъ случаяхъ: въ случаѣ присужденія награды, Сочинитель, сверхъ преміи, можетъ надѣяться получить по крайней мѣрѣ часть издержекъ, потребныхъ для напечатанія.

«Слѣдовательно изъемяются опъ соисканія: 1. Первоначальныя учебныя книги, неоснованныя на какихъ либо новыхъ началахъ педагогій, опъ права конхъ польза уже дознана на самомъ опытъ. 2. Стихотворенія, романы, повѣсти, драматическія сочиненія и. ш. п. 3.

И въ изданія прежде напечатанныхъ твореній. 4. Простые переводы сочиненій, напечатанныхъ на иностранныхъ языкахъ, хотя бы Авторъ былъ самъ переводчикъ своей книги. Удостоиваемыя награды сочиненія непременно должны быть напечатаны въ Россіи.

»Присужденіе наградъ предославляется Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ: посему всѣ дѣйствительные члены Академіи Наукъ исключаются отъ соискательства. Награды будутъ раздаваемы ежегодно, 17 го Апрѣля, въ день рожденія Наслѣдника Всероссійскаго Престола, въ торжественномъ засѣданіи Академіи. Срокомъ предсавленія сочиненій назначается 1 е Ноября.»

Остается пожелать, чтобы сіе благородное усердіе къ опечесственному просвѣщенію было оправдану и утѣшено достойнымъ рвеніемъ нашихъ трудолюбивыхъ соотечественниковъ. Другой высшей благодарности принесли ему не возможно!..

— НАПОЛЕОНЪ И НАПОЛЕОНИДЫ ПАРИЖСКИХЪ ТЕАТРОВЪ. —
Зрѣлища Парижскія всѣми силами борются съ непріязнію времени и домогаются сквозь шумъ великихъ политическихъ событій, поглощающихъ всеобщее вниманіе, заманивъ хотя сколько нибудь любопытство, принаровляясь къ общему направленію, и именно—вывода на сцену политическихъ фигуры. Фигура Наполеона уже порядочно поистерлась: и это нисколько не удивительно, когда, цѣлые три мѣсяца сряду, на Парижскихъ театрахъ, каждый вечеръ являлось отъ трехъ до чепырехъ Наполеоновъ, занимавшихъ по нѣскольку часовъ публику. При такомъ изобиліи, можно было выбирать себѣ любого Наполеона. Кому хотѣлось видѣть маленькаго, живчика, тотъ могъ

Телеск. Ч. III.

17

ходишь на Театры Водевилей, гдѣ эпошъ разборъ Наполеоновъ показывался. Если больше нравилась панорама живыхъ картинъ, пышущихъ глаза и не слишкомъ напугающихъ душу, спонло опрравиться въ Олимпійскій Циркъ, гдѣ осмнадцать картинъ, одна другой прекраснѣе и пышнѣе, смѣняли другъ друга въ продолженіе цѣлаго вечера. Желалось ли видѣть идеальнаго Наполеона, который еще величественнѣе, чѣмъ дѣйствительный, и съ котораго всѣ пѣшна истиннаго портрета смышны искусною рукою: слѣдовало вхашъ въ Одеонъ, гдѣ представлялась новая драма Александра Дюма, извѣстнаго романика, шворца Генриха III и Хриспины въ Фонтенебло. Теперь, когда эпо главное лице эпой славной для Франціи, или лучше для Французскаго войска, эпохи, опъ упошребленія, слишкомъ запаскалось, нешпошима Французская изобрѣшательность принялась за побочныя фигуры той же эпохи и начала посвящашъ ихъ въ театральные герои. Такимъ образомъ явился Мюратъ, Жозефина, въ другой піэсъ Жозефина и даже Марія Луиза вмѣстѣ, Маршалъ Брѣнь и его умерщвление шакъ называемыми роялистами, Госпожа Давалепшъ, коей подлинникъ живешъ еще, хопя, по несчастію, и въ сумасшедшемъ домѣ, и другія подобныя лица, пріобрѣшшія извѣстность какимъ бы лопни было образомъ. Эпой обширной драматической галлерей, коей поставка спонла чрезмѣрныхъ издержекъ, угрожала недавно гибель; ибо Министръ Виупреннихъ Дѣлъ предложилъ было Палапамъ законъ, въ силу коего запрещалось театрамъ выводитъ на сцену лица, до испеченія двадцатипятилѣшняго срока послѣ ихъ смерти, и припомъ вѣнялось въ необходимую обязанность получить предварительное

согласіе ихъ фамилій. И что бы сдѣлалось тогда съ Наполеономъ и всею Наполеоновщиною, отдѣланною съ такою пышностію, когда бѣ эпопѣ роковой указъ соспоялся? Нѣкоторые театры должны бѣ были, безъ сомнѣнія, обанкротиться : ибо были бѣ принуждены запереть въ кладовую свои роскошнѣйшіе гардеробы. Но счастливая звѣзда бодрствовала надъ ними; законъ эпопѣ былъ предложенъ тогда, когда законодательную Палату занимали дѣла поважнѣе театральныхъ; почему онъ и опложенъ былъ впредъ до болѣе спокойнаго и досужнаго времени ; а такъ какъ это блаженное время не очень скоро предвидѣлся, то театры успѣваютъ еще испощить до дна весь Наполеоновскій рудникъ Маршаловъ, Министровъ и Придворныхъ. Театръ у Воронъ С. Маршина давалъ своего Наполеона ровно стодесять разъ и потомъ уже собрался дать ему отдыхъ. Между тѣмъ, когда большая часть театровъ переплѣтъ такимъ образомъ современную исторію, Театръ Французскій (Théâtre Français), нѣкогда украшеніе и слава Парижскаго драматическаго искусства, болѣе и болѣе пустѣетъ. Напрасно даютъ тамъ лучшія произведенія Мольера, Корнеля, Расина и Вольтера ; напрасно угощаютъ отборнѣйшими комедіями прошедшаго столѣтія : неблагодарная публика какъ будто позабыла о существованіи Французскаго Театра и бѣжитъ опрометью на осмнадцать каршинъ Олимпійскаго Цирка. Бѣдные авторы, называющіеся почтеннымъ именемъ *Королевскихъ Комедіантовъ* (*Comédiens du Roi*), принуждены разыгрывать образцовыя драматическія произведенія (*chefs-d'oeuvre dramatiques*), считающіяся необходимою потребностію для библіотеки каждаго благовопитаннаго Француза, передъ пустыми ложами и скамь-

ями. Следствия очевидны: въ кассѣ Театра оказывается ужасная пущупа; и поелику актеры рѣдко бываютъ образцами добрыхъ хозяевъ и во время избытка не очень помышляютъ о томъ, что Корнель и Расинъ могутъ когда-нибудь измѣнить имъ и что не дурно беречь денежку про черный день, по дѣла ихъ приходятъ въ большое разстройство. Одинъ изъ лучшихъ актеровъ долженъ былъ бѣжать съ семействомъ изъ Парижа, дабы избавившись отъ преслѣдованія занмодавцевъ; и, когда надобно бываетъ играть, пробирается на вечеръ шихомолкомъ въ городъ и попомъ опять скрывается въ деревню. Можно предсказать, какова должна быть игра актера въ подобныхъ обстоятельствахъ. Богъ вѣсть, что будетъ наконецъ съ этимъ бѣднымъ театромъ! При настоящихъ важнѣйшихъ занятіяхъ правительсва ему не лзя ласкаться надеждою на покровительство и вспомошествованіе: уже многіе возстаютъ, и пакъ, на обременительныя прибавки, кои даются пакъ называемымъ Королевскимъ Театрамъ, и ни сколько не помогающъ имъ; ибо Королевскіе Театры, исключая Италіанской Оперы, которая изрядно держитъ себя, наиболѣе обременены долгами. Между тѣмъ вольные Театры, не смотря на ихъ многочисленность и совершенную безпомощность, перебиваются кое-какъ всякой всячинкой, подбирая современныя крохи. Наполеониды—увы!—выручаютъ ихъ надежны, чѣмъ Априды. *Sic transit gloria mundi!*..

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Іюня 30 дня 1831 года.

Ценсоръ и Кавалеръ Двигубскій,